

М.В. Ганькина

Грамматическая аптечка

Неотлож- ная ПОМОЩЬ в право- писании

Мария Ганькина

**Грамматическая
аптечка. Неотложная
помощь в правописании**

«Теревинф»

2010

УДК 372.881.161.1
ББК 81.2Рус922

Ганькина М. В.

Грамматическая аптечка. Неотложная помощь в правописании /
М. В. Ганькина — «Теревинф», 2010

ISBN 978-5-98563-416-7

Книга предлагает способы работы, которые под силу буквально каждому ученику. Эти приёмы одинаково любимы и отличниками, и двоечниками. Они помогают как бы невзначай открывать справедливость «опостылевших» правил, удивляться и радоваться красоте родного языка. Являясь своеобразными тренажёрами, они позволяют набить руку в грамотном письме – но при этом способствуют нормальному живому общению учеников друг с другом. Предлагаемые методические ходы и дидактические материалы можно использовать практически в любом классе начальной и средней школы, независимо от темы урока.

УДК 372.881.161.1

ББК 81.2Рус922

ISBN 978-5-98563-416-7

© Ганькина М. В., 2010

© Теревинф, 2010

Содержание

Введение	7
Об ироничной «методической прозе» Марии Ганькиной	8
Глава I. Неотложка для «граммотеев». Шесть радикальных средств от «врождённой неграмотности»	10
Средство первое. Прогулки в орфографическом саду	10
Гербарий-корнярий	10
Правила для коллекционера	11
Варианты заданий	12
Знать в лицо	12
Средство второе. В атмосфере дружбы и взаимо... штопки	13
Дырявый текст	13
Сначала на живульку	14
Под новым углом зрения	14
Деловые встречи	15
Средство третье. Проработка ошибок и неточностей	17
Цифирь на полях	17
Рукодельная брошюрка	17
См. инструкцию	20
Шифровальщики	21
Главное – конспирация	23
На десерт	24
Средство четвёртое. «Таблица умножения» словарных слов	25
Солнышко и стенка	25
Круговорот слов	27
Средство пятое. Поднимем орфографические паруса!	29
Одиночное плавание	29
По морю-окияну	31
Средство шестое. Долгоиграющая тетрадь	33
Грамматический тренажёр	33
Технические характеристики	33
Договорённости	34
Возврат на фоне	35
Глава II. Каллиграфия. Когда включается механизм всматривания	36
Китайские секреты русской грамотности. История о том, как полезно иногда бывает «почудить»	36
Кто заварил кашу	37
Левой пяткой	37
Супрематизм на полу	39
Аромат эпохи	40
Единичка, навесик, пуфик	42
Лёд тронулся	43
Автор и переписчик	46
Что под маской?	48
На завалинке	49
Древние рукописи	49

От лица Буратино. Перелистывая каллиграфический журнал пятиклассников	55
Тетрадки из закров	55
Загадывание персонажа	56
Классный самиздат	57
Как выбирали почерк	58
В отсутствие сканера	59
Книжное дело	60
Глава III. Чтение. Мизансцены успеха	64
Похвала черепашьему бегу. Как учить всех, не форсируя индивидуальный темп каждого	64
Не урок, а кошмар	64
Снежный ком неудач	64
От лица корабельного попугая	66
След в след	66
Эхо в горах	67
Медленное чтение	67
Не своим голосом	67
Светофор	68
Американские горки	69
Книжка-малютка	69
Ансамбль виртуозов	70
«В связке одной с тобой»	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Мария Ганькина
Грамматическая аптечка.
Неотложная помощь в правописании

© Издательство «Генезис», 2010

* * *

Введение

«Грамматическая аптечка» адресована прежде всего учителям-словесникам и учителям начальной школы (а также мамам, папам, бабушкам и дедушкам, которые хотят помочь своим детям освоить грамматику родной речи).

Автор книжки, Мария Ганькина, – не только практикующий учитель-словесник, многие годы она вела рубрику «Режиссура урока» в газете «Первое сентября». Поэтому «Аптечка» является не просто оригинальной методикой повышения уровня грамотного письма, но и предлагает в копилку учителю самые разнообразные «режиссёрские» решения – способы организации того или иного задания, игровые приёмы опроса и контрольных работ, типы домашнего задания, способы развития языковой интуиции.

Кроме того, книга снабжена дидактическими материалами и рабочими тетрадями по русскому языку. Являясь своеобразными тренажёрами, они позволяют ученикам «набить руку» в грамотном письме.

Книга не только подсказывает, с помощью каких средств можно преобразить освоение родной словесности (едва ли не самого проблемного курса в школьном расписании), но может оказаться хорошим поводом для личного творчества любого учителя в любом предмете. Надеемся, что она поможет вам создавать на ваших уроках творческую атмосферу сотрудничества, поиска, открытий и удивлений.

Об ироничной «методической прозе» Марии Ганькиной

Книга «Грамматическая аптечка» – весёлая и практичная. А вместе с тем – какая-то спокойно-задумчивая. Словно скроена в полном согласии с педагогическим кредо автора: «Я хочу, чтобы мои дети относились к миру спокойно и разумно. И хорошо бы – с юмором».

«Аптечка» посвящена секретам обработки простейших краугольных камешков в освоении русской грамматики – тех, на которых обычно ломаются отношения с родным языком у большинства школьников.

За простотой и привычностью тематики, за калейдоскопичностью и общедоступностью остроумных решений, за внешней их лёгкостью читатель скорее ощутит, чем осознает единый связующий смысловой контекст.

Но этим контекстом служит едва ли не самая глубокая и серьёзная отечественная педагогическая традиция, крохотные грани которой будут вспыхивать перед читателем на всех страницах этой книги.

Два десятилетия назад Маша Ганькина, математический лингвист с университетским образованием, неожиданно для себя продолжила вековую учительскую летопись своей семьи. И столь же нечаянно втянулась в особую культурную традицию отечественной педагогики.

Эта традиция исходит из признания факта, что русский язык – не один из учебных предметов в школе, не что-то внешнее по отношению к человеку, а часть его самого – то, с помощью чего он дышит, плачет, действует, переживает. И уроки родного языка должны быть посвящены не выучиванию правил и исключений, а работе со смыслами и средствами их выражения.

Такая традиция тянется от лекций двадцатых годов академика А. М. Пешковского, от опытов его (едва ли не единственного, пережившего войну) ученика, легендарного московского учителя В. Н. Протопопова, от великого современного учёного Евгения Шулешко, создавшего такую систему обучения в начальной школе, где не возникает отстающих и неудачников; от Лидии Филякиной, первой из «шулешкинских учителей», от Александры Ершовой и Вячеслава Букатова – разработчиков социоигрового стиля обучения, наследников театральной школы Станиславского, обративших её богатство в помощь учителям.

«Грамотность – это прежде всего уважительное отношение к своим предпочтениям, выборам, намерениям. Это признание за собой достойной роли в восприятии традиций своего народа, причастности к наследию его культуры. А вместе с тем – признание такого равного человеческого достоинства за всеми другими грамотными людьми», – определял когда-то Евгений Шулешко.

Такой торжественный слог не свойствен ироничной «методической прозе» Марии Ганькиной. Но именно эту мысль воплощают её методические ходы, связывающие загадки языка с исследовательской жизнью детей и взрослых на уроке, подпитывающие живые усилия детей по пониманию самих себя и друг друга.

Мария Ганькина – и наследник традиции, и её первопроходец. Не только в том смысле, что каждый «шулешкинский педагог» всегда проходит свой особенный путь профессионального становления. Но опыты Марии Владимировны и её соратника, другого молодого талантливого учителя Сергея Плахотникова, были и «первыми побегами», первыми прорывами в подростковые классы тех идей «шулешкинской», «ровеснической», «интуитивно-образной», «социоигровой» педагогики, которые до того были отработаны почти исключительно в начальной школе.

«Полнота дня учебной жизни, – по определению Е. Шулешко, – это новизна проживания своих ожиданий и исполненных, замеченных, признанных другими умений. Обнаруживать

способности друг у друга – это дело детей. Но учитель как бы обнаруживает это обнаружение и не даёт ему проскользнуть мимоходом, публично привлекает к нему внимание и подчёркивает его значимость».

Этот ключевой замысел своей педагогической традиции Мария Ганькина привыкала разыгрывать сначала в работе с детьми, а потом в своих статьях и книгах, представляя самые привычные учебные вещи в самом неожиданном освещении. Ведь именно оттенок необычности и загадочности уравнивает взрослого и ребёнка, поддерживая в них обоих дух доверительности и инициативного поиска.

Для «шулешкинской» педагогической традиции характерно, что конкретный приём ценится не меньше теоретических принципов. Так и в этой книге каждый из обсуждаемых дидактических приёмов можно рассматривать как тот узел, «концентр», ключевое событие, вокруг которого может закручиваться вся полнота детской жизни на уроке.

Лет десять назад Мария Владимировна начала привыкать быть автором и редактором книг и газетных статей, а вскоре – и ведущей (совместно с В. Букатовым) самой популярной странички «Режиссура урока» в главной учительской газете страны – «Первое сентября».

И теперь в отечественной педагогической журналистике имя Марии Ганькиной звучит как символ особой весёлой мудрости. Той, которая позволяет воспринимать пунктиры педагогических координат с необходимой лёгкостью и оптимизмом – а в то же время с деликатным почтением к тому тонкому «культурному слою» отечественной педагогики, что нарабатывался тысячами лучших людей страны и продолжает создаваться вокруг нас нашими коллегами, несмотря на все печали и трудности окружающей жизни.

Пусть «лекарства» из этой замечательной «аптечки» – детали и нюансы, точно рассчитанные приёмы и опыт интуитивного конструирования методических решений, сиюминутные открытия и неожиданные воскрешения давно знакомых истин – не раз пригодятся и вам, уважаемый читатель.

Андрей Русаков

Глава I. Неотложка для «грамотеев». Шесть радикальных средств от «врождённой неграмотности»

Средство первое. Прогулки в орфографическом саду

Не перестаю удивляться, насколько дремучим оказывается для пишущего человека это место в русской орфографии – безударная гласная в корне. Даже у старшеклассников нет-нет да и встретится какое-нибудь позорное *пожЕлой*, *прикОзал* или *очЕрованье*. Видимо, в своё время взрослые проигнорировали игровую «прививку», не дав ребёнку возможность вдоволь наиграться с корнем.

Гербарий-корнярий

«Гербарий» (более точное слово «корнярий» у нас не прижилось) – это маленький блокнотик или полтетradки (но только не очередная обычная школьная тетрадь!). Гербарий – вообще-то коллекция растений, у нас же – целых деревьев. По штуке – на каждой страничке.

Вырастает такое дерево из корня, и перечень русских корней с указанием страницы, на которой выросло соответствующее корню дерево, есть на последней страничке нашего гербария-корнярия.

Количество ходовых русских корней вполне перечислимо. Со временем у нас составляется целый словарь корней. Лексическое значение большинства из них вроде бы распознаётся интуитивно. Взрослым человеком – да. Но ребёнку необходимо, что называется, повертеть русские корни в руках.

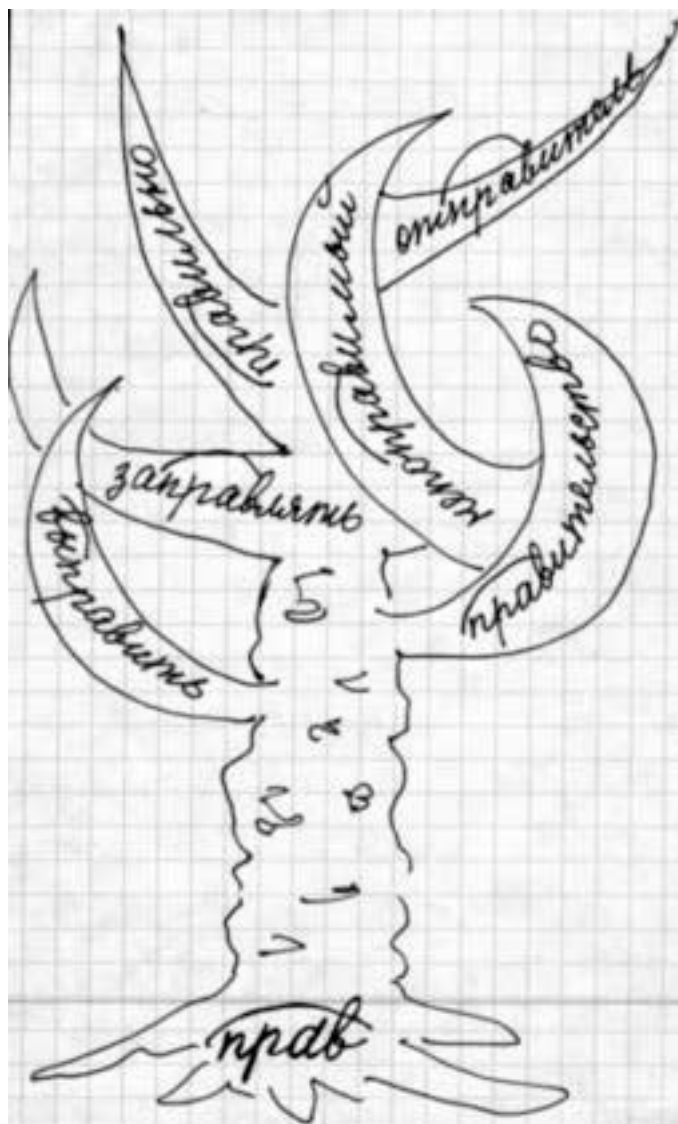
Ребёнку недостаточно даже такого мощного инструмента, как проверочное слово. В-первых, надо уметь им пользоваться. А то ведь бывает, что слово *ветеран* проверяют *ветром*, *замирать* – словом *мир*, *здорово* – словом *здравствуй*, а *ломать* – словом *переламывать*.

И потом: ну и что ж, что подобрал проверочное? В следующей-то строчке опять сделал ту же самую ошибку. Надо бы как-то удерживать в голове всё гнездо целиком. Гнездо, куст, семейка, дерево – выбирайте образ по вкусу. У нас – дерево, потому что так сложилось. Потому что самый первый раз к гербария мы подбирались издалека. Это было начало третьего класса.

Вначале мы пытались рисовать генеалогическое древо семьи.

Затем появилось настоящее дерево – чуть ли не в натуральную величину. Его вырезали из толстого картона и красили всем миром, и потом оно стояло у нас в классе почти полгода. Время от времени к его корневищу прикалывали булавкой новый русский корень, и дерево обрастало очередной листвою – однокоренными словами, которые дети выписывали на листочках бумаги и собственноручно прикрепляли к картонным ветвям. Конечно, случались недоразумения: то и дело на нашем «баобабе» появлялся какой-нибудь «огурец» – как говорили дети, «слово не отсюда», «иностранное», «только прикидывается родственником».

И только после всего этого каждый из ребят обзавёлся личной коллекцией корней – гербарием, который постоянно пополнялся новыми деревьями.

Фрагмент ученического «гербария»

Правила для коллекционера

Коллекционер обязан следовать особым правилам:

- 1) все известные части речи и способы словообразования должны быть представлены в словах, вырастающих на ветках;
- 2) предпочтительны такие словоформы, когда гласная в корне – безударная;
- 3) в каждом слове, выросшем на дереве, надо обязательно отметить корень;
- 4) корень как таковой, приколотый в районе корневой системы дерева, должен быть написан крупно и ярко.

Остальное – дело фантазии коллекционера. Наша среднерусская природа не видывала столь экзотических растений, какие то и дело появляются на страничках ученических гербариев.

С каждым новым деревом список корней на последней страничке гербария пополняется. Только теперь корень снабжён ещё и соответствующей иллюстрацией. Каждый из учеников сам себе художник, сам придумывает, как воплотить в рисунке лексическое значение корня. Например, рядом с корнем – да- (дать) пишут «на!», а на корень – дав- (давить) удава рисуют.

С корнем – *вес-* рядом оказываются различные веса (или три толстяка – сами или название книжки). Ну а рядом с корнем – *вис-*, увы, частенько красуется добротная виселица...

Кто символикой отделяется, кто батальные сцены выписывает – каждый своей иллюстрацией пытается сказать, «про что» тот или иной корень.

Варианты заданий

Но вот на дом задано нарисовать очередную пару деревьев, например с корнями – *един-* и – *каз-/-каж*.

Ещё на перемене ребята ставят стулья в круг – они привыкли к пятиминутной словесной разминке. Начало урока. Ребята садятся в круг с гербариями, открытыми на нужном дереве. В определённом ритме, который я отбиваю в ладоши, они передают по часовой стрелке (или против) свои блокноты (в театральной педагогике есть подобное упражнение). Хоп! Направление поменялось. Стоп! – и по кругу каждый читает слово с корнем – *един-* (или – *каз-* / – *каж-*) из того гербария, который в данный момент оказался на коленях.

Таким образом озвучиваются не только замечательно интересные слова с данными корнями (*поединок, единорог, приказчик*), но и «огурцы» (*съедено, седина, казак*). Последние, впрочем, ребята опротестовывают поднятием вверх скрещённых рук.

Рассевшись по своим местам за партами, ребята за минуту (я засекаю по секундомеру) добавляют к своему дереву три полюбившихся им слова из тех, что только что прозвучали. Можно ограничить круг прочитываемых слов, например, какой-нибудь частью речи, и тогда ребята кинутся записывать именно глаголы или причастия (чем не «повторение и закрепление пройденного»?).

А я радуюсь тому, что сумела ещё раз обратить внимание своих учеников друг на друга: может быть, кто-то удивился интересному слову и взглянул на его хозяина с любопытством?

Периодически мы устраиваем блиц-диктантки – по слову с каждого дерева. При этом диктую вовсе не обязательно я.

Или такое задание: за одну минуту написать как можно больше слов с данным корнем.

Знать в лицо

Так или иначе, а корень становится узнаваем всюду, даже в словах, с которыми дети раньше не встречались. Они его просто, что называется, знают в лицо. И им нет надобности лихорадочно подыскивать проверочные слова. Ведь коварство этих самых слов известно, и мне совсем не хочется, чтобы мои дети принялись «проверять» корни с чередованием гласной. А это сплошь и рядом случается, и не только в начальной школе. И вообще, у многих учеников независимо от возраста привязанность к проверочному слову – прямо-таки болезненная. А что это за слово такое? Как устроено? Что именно проверяет?..

Или вот печально известные «11 глаголов-исключений». С ними та же история. Большинство учеников отбарабанивают их наизусть, как только слышат слово «спряжение». А что это за глаголы такие? Почему они исключения? И, главное, из чего исключения? В лучшем случае говорят: «Из правила». Из какого правила, господа хорошие?

Даже у старшеклассников подчас не срабатывает механизм обнаружения корня, слово в одиночестве порхает в их головах: ни семьи, так сказать, ни детей. В таких случаях я включаю в работу гербарий, и он, представьте, ещё ни разу меня не подвёл. (Наш словарь русских корней, собранных за период с 3-го по 5-й класс, см. в дидактических материалах: <http://6url.ru/jhLx>.)

Средство второе. В атмосфере дружбы и взаимо... штопки

Можно ли на уроках русского языка как бы невзначай открывать справедливость опостылевших правил? Готовиться к экзамену по русскому языку – и при этом не переставать удивляться и радоваться тому же самому русскому языку?

Ещё большая редкость на уроке – это разговор. Не дискуссия, запланированная учителем, а нормальный живой разговор учеников друг с другом. Не по поводу нового мобильного, и уж тем более не на предмет покурить на переменке. А по делу. По материалу урока.

И я всё время была озабочена тем, как же устроить ребятам эти встречи – встречи друг с другом, встречи с предметом (да при этом чтоб ещё и скучно не было). Ведь в этом, может быть, самая наша главная педагогическая задача и есть.

Дырявый текст

То, что в учебниках русского языка называется «вставить пропущенные буквы», у нас называется «заштопать дырки».

Конечно, эти самые «дырки» есть и в упражнениях учебника, и в дидактических материалах по русскому языку, в разных там рабочих тетрадях. Но все эти дырки – чужие, не собственного приготовления, навязаны школьнику авторами – разными умными дядями и тётями. А вот штопать дырки соседа по парте, которые тот в своей «рукописи» проделал собственноручно, – это уже любопытнее занятие. Тогда и соседу – чтобы он в это время не скучал – надо что-то предложить взамен.

А как научиться свои дырки выдумывать? Идею дырявого текста собственного приготовления нам подарила замечательная московская учительница Лидия Филякина.

Рецепт изготовления

В каком месте текста могут быть дырки? Конечно, в «ошибкоопасном», «слабом» (в слабой позиции фонемы). Где тонко, там и рвётся, так ведь?

У гласных – своё «тонко», у согласных – своё. Ещё «тонкие» места – это где всякие знаки (ь, ъ) и дефисы, где есть альтернатива «вместе или раздельно» и тому подобное. В корне, в суффиксе, в приставке, в окончании. Каждая дырка – непременно какая-нибудь орфограмма.

Ученик берёт чистый лист и книжку – лучше ту, которую в данный момент читает. Из книжки выбирает на свой вкус кусочек текста – полстранички. И, переписывая эти полстранички на свой тетрадный лист, сооружает дырявый текст.

Уговор таков.

Во-первых, наш девиз – не меньше одной дырки в слове (односложные слова и очевидные случаи не в счёт).

Во-вторых, текст должен быть написан разборчиво. Аккуратность – это уважение к читателю твоей тетрадки.

В-третьих, дырки должны быть достаточно вместительны – ведь их же штопать кому-то предстоит.

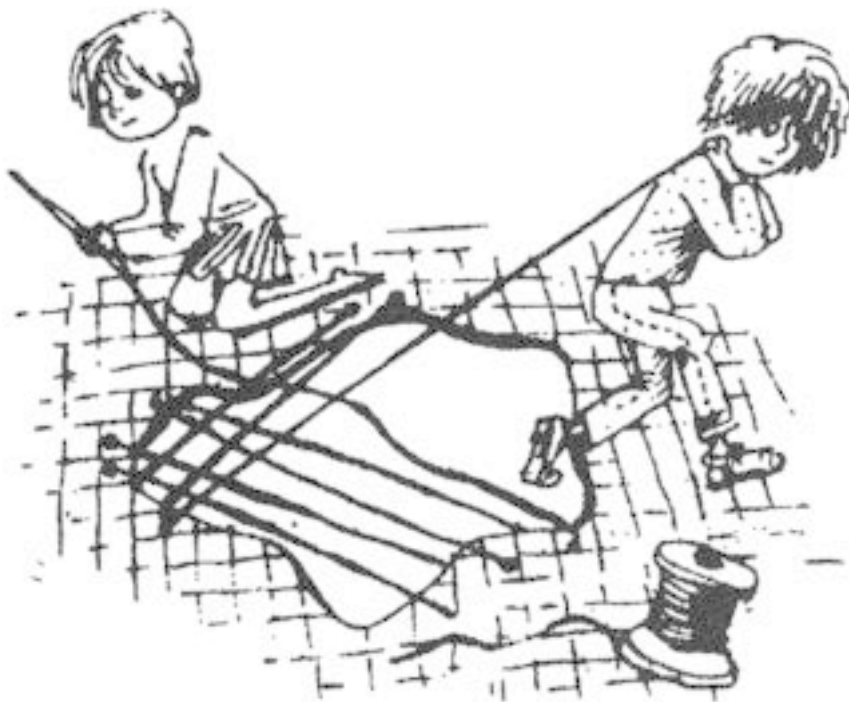
Возможны такие варианты проделывания дырок в тексте:

В-четвёртых, пропуск знаков препинания приветствуется в любом количестве.

И, наконец, **в-пятых**: книжка, из которой «дырявили» текст, прилагается. Для чего – будет ясно из дальнейшего рассказа.

Сначала на живульку

Итак, текст учениками продырявлен и лишён знаков препинания. Чаще всего эта работа – кусок домашнего задания. Урок начинается с того, что ученики обмениваются своими дырявыми текстами с соседом по парте (или с соседом сзади, или с соседом спереди – на выбор).

Так, дело пошло. Быстро, за три – пять минут, я должен заштопать соседские дырки – пока что на живульку, то есть начерно, карандашом.

Общий сигнал «хоп» – и обратный обмен.

Моя тетрадь вернулась ко мне. Вот теперь я беру ручку и, сверяясь с книжкой, уже по-настоящему крепко штопаю свой текст. Если карандаш не врёт, то есть ошибки нет, обвожу соответствующую букву (знак, соединение) сразу ручкой. Если же сосед ошибся, то, ткнув его в ошибку (а он, соответственно, меня – в мою), стираю её ластиком с лица земли и вписываю – теперь не вырубил топором! – своей ручкой единственно правильный вариант. Проверяю по книжке знаки препинания. Готово. Прошло ещё три – пять минут.

Текст – как новенький, с иголочки. Мой дорогой сосед между тем проделывает аналогичную работу. А поскольку все являются чьими-нибудь соседями, то все и работают. Поголовная занятость.

Под новым углом зрения

Сколько разных встреч состоялось у нас с текстом?

Когда нашёл подходящий (чтоб слова потруднее) кусочек текста в книжке и проделывал в нём дырки – **раз**.

Когда сосед дёргал меня за рукав: «А что это у тебя за слово?» – **два**.

Когда штопал начисто ручкой свой текст (не говоря уж о том, что и соседский карандашом подштопывал) – **три**.

И, сверяясь, посматривал при этом в книжку – **четыре**.

И, заметьте, всякий раз текст открывался под новым углом зрения. И при каждом обращении к тексту в световое пятно моего внимания попадали разные(!) слова.

За какие-то десять минут – и сколько перелопатили! И не кастрированного языка учебных упражнений, а того самого, «великого и могучего». Уверена (потому что убедилась на опыте), что, если много текстов через себя вот так пропускать, интуиция заработает у каждого.

В ученической голове подсознательно совершается сложнейшая классификационная работа. Слово (словосочетание, предложение), интуитивно отнесённое к какому-либо классу явлений и подчинённое его законам, уже не одиноко. Оно обзаводится определёнными привычками, манерой поведения. И порой становится просто невозможным написать его неправильно.

Деловые встречи

А сколько же было деловых встреч с соседом (именно деловых, а не на предмет подпольной деятельности)? Сколько раз мой сосед открылся мне с какой-то неожиданной стороны и я подивился тому, на что прежде не обращал внимания! Сколько раз я узнавал в его дырявом тексте свой собственный! В его удачах и неудачах – свои.

А ведь сосед (партнёр) у меня всякий раз новый. Мы работаем в ситуативных четвёрках (малых группах), так что у меня соседей много: сосед слева, сосед справа и сосед по диагонали.

Что касается отметок – пожалуйста! Отмечаю у соседа в тетради «удобство дырок» (комфортно ли мне было буквы в его дырки вставлять) и «качество дырок» (не по мелкому ли поводу они проделаны, ведь чем сложнее орфограмма, тем серьёзнее повод).

Отметка. Личная подпись. А учитель выставляет эти отметки в журнал. Чем не оценка работы?

На уроках штопку дырок можно устраивать и в качестве десерта. Хорошо бы эти штопки проводить между командами – чтобы ещё и ещё раз провоцировать детей на деловые разговоры-договоры и тем самым, между прочим, уменьшать вероятность ошибки. «Хоп!» – и команды по часовой стрелке меняются местами для взаимной проверки...

Ну а не хватило на уроке времени на штопку – можно и на дом задать. Тоже хорошо: в начале следующего урока хозяину тетрадки и штопальщику будет что обсудить.

Пана в^ни^н в кан-
нату скор^нми ма-
н^нскими ма^н-
ками и под^ни^н
к Люб^нке, кото-
рая пред^нстала
играть, увид^н
его.

Удовольствие д^нрок 4 Л^нн-
Качество д^нрок 5 О^нн

Фрагмент ученической тетради

Средство третье. Проработка ошибок и неточностей

Понятно, что вообще-то ученикам надо ошибки «прорабатывать»! А как?

Обычный, принятый в школе, алгоритм работы над ошибками даёт представление о том, как работать с единицей языка, но не вмещает представлений о том, как работать с человеком. Как учителю сотрудничать с учеником? Как ему, ученику, сотрудничать с учителем? Со своими сверстниками?

Цифирь на полях

В ученических тетрадках вместо привычных символов (палочка – орфографическая ошибка, галочка – синтаксическая ошибка) на полях появляются разные цифры, которые представляет учитель при проверке. Каждой ошибке строго соответствует та или иная цифра. При этом учитель может либо исправить ошибку сам, либо просто зачеркнуть её, либо вовсе ничего с ней не делать – в зависимости от хозяина тетрадки или своего рабочего замысла. Но на полях, в соответствующей данной ошибке строке, непременно появится цифра, отсылающая ученика к «Проработке ошибок и неточностей».

Такая маленькая рукодельная брошюрка есть у каждого ученика. Зачем она? Ведь, казалось бы, все эти орфо- и пунктограммы есть в учебнике. Но учебник – большой и не мой, а книжечка – маленькая и моя, именная. Даже сброшюрована и проиллюстрирована собственноручно.

Рукодельная брошюрка

Жизнь «Проработки» началась с десяти орфограмм на одном-единственном листочке, предназначавшемся каждому первокласснику. Перечислены они были в том порядке, в каком заходила о них речь в классе. Каждая новая орфограмма обживалась и торжественно набиралась на компьютере.

По мере углубления в материал (а мы шли не по программе, а собственным путём), наша книжечка разрослась до 57 орфограмм и 19 пунктограмм. Никакой особой логики в их подаче не было, и тем более ни на какую полноту наш список не претендует. Принцип перечисления орфограмм был один – житейский, домашний. (А поскольку у каждого класса жизнь своя, то и «Проработка», если вы вдруг затеете её сочинять, наверняка выйдет не такая, как когда-то у нас.)

Та, чей фрагмент вы видите, – аж пятая! И терзали её в таком виде уже шестиклассники. Значит, укладывалась она в их головах целых шесть лет (за шесть-то лет и наизусть не грех выучить, не правда ли?).

Многие пунктограммы в «Проработке» лишь обозначены. Понятно, что в шестом классе разговор об обособленном приложении весьма приблизительный, но ткнуть шестиклассника лишний раз носом: сочини-ка, дескать, своё похожее предложение, – представляется полезным. Развивает языковую интуицию, да и ошибку без внимания оставлять не хочется (даже если класс и «не проходил» соответствующей темы), ведь в сочинениях у ребят иногда встречаются весьма сложные синтаксические конструкции. Что ж, в восьмом-девятом-десятом классах инструкции будут более подробными.

Если б все правила мы стали формулировать в их полноте, то наша «Проработка» превратилась бы из инструкции для домашнего употреблению в сакральное учебное пособие, на которое с опаской смотрели бы даже сильные ученики.

Орфограммы	Прорабатываю так
19. Соединительная гласная о или е в сложных словах	Отмечаю корни, из которых состоит слово, и обвожу в кружок соединительную гласную: босо <u>о</u> ножки
20. Непроизносимая согласная в корне	Подбираю и пишу через чёрточку проверочное слово и ещё три слова с этим корнем: гру <u>с</u> тно – гру <u>с</u> тить; гру <u>с</u> тный, за <u>г</u> рустил, гру <u>с</u> ть
21. Частица не с глаг. и дееприч.: не был, не раздумываю, ненавижу (искл.)	Пишу три глагола или деепричастия с частицей не отдельно
22. Правописание -тся или -ться в глаголах	Задаю к глаголу нужный вопрос: надо (что сделать?) извиниться; он (что сделает?) извинится

Фрагмент «Проработки»¹

Рукодельный характер «Проработки» определил и её «домашнюю» терминологию: «слабое окончание», «вежливый мягкий знак в окончаниях глаголов 2-го л. ед. ч.». Это ещё что! В первых двух вариантах «Проработки» безударная гласная в корне звалась «пиратской гласной», парная согласная – «больной», а произносимая согласная – «робкой». Эти образы родились когда-то на страницах самиздатовских «учебников по русскому языку», которые в конце учебного года сооружали мои второклашки, с тем чтобы первого сентября торжественно вручить их первоклашкам (такая была задумка). Каждая орфограмма в этих «учебниках» была воплощена в виде какой-нибудь сказки или истории, непременно с картинками.

Некоторые следы ученических фантазий сохранились по сей день – и не только на страницах «Проработки», но и в головах учеников, ставших старшеклассниками.

См. инструкцию

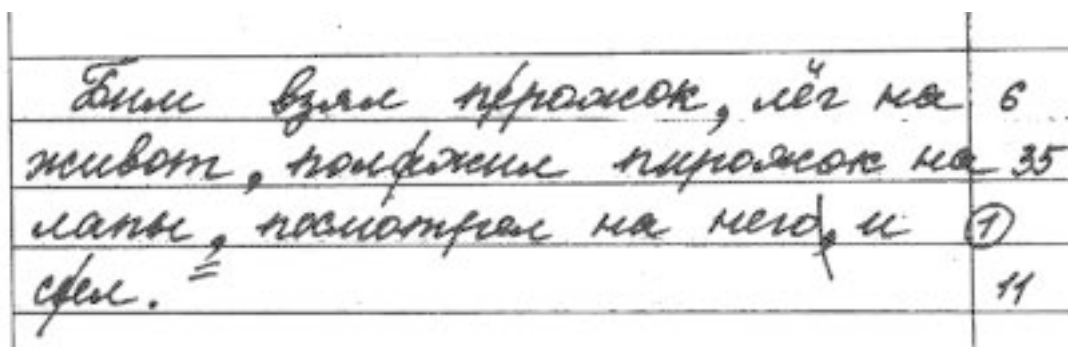
Итак, тетрадь – будь то обычная тетрадка по русскому или тетрадь с конспектами по истории или физике (я, например, время от времени просматривала на предмет ошибок **все** тетрадки своих учеников) – после проверки обзаводится разными цифрами на полях. Цифра без кружочка соответствует какой-либо орфограмме, цифра в кружочке – пунктограмме.

Завидев одно из двух на полях своей тетради, ученик действует так. Открыв «Проработку» на нужной цифре и отыскав на строчке злополучное место с ошибкой, он прорабатывает её по инструкции, изложенной в правом столбике «Проработки», как раз напротив орфограммы за соответствующим номером.

В средней и старшей школе поводом лишний раз открыть «Проработку» служат не столько привычные упражнения и диктанты (адаптированные тексты дают сравнительно небольшое количество однообразных ошибок), сколько сочинения, изложения, истории для самиздатовских литературных журналов или материалы для классных газет. Тут и учителю приходится попотеть. Но это с непривычки, это пройдёт, поскольку по ходу дела «Проработка»

¹ Полный текст см. в дидактических материалах: <http://6url.ru/jhLx>.

невольно запоминается. Кстати, учениками – тоже: за год-два большинство орфо- и пунктограмм без всякой зубрёжки откладывается в памяти вместе с номером и инструкцией. Так что, заведя цифру 22 на полях тетради, уже не обязательно лезть в «Проработку».

Фрагмент ученической тетради

И даже если на уроках русского языка мы «ещё не проходили» какую-то тему, то волей-неволей ребятам приходится в ней разбираться, выясняя, что стоит за той или иной цифрой. А мне – помогать им в этом, подчас забегая далеко вперёд школьной программы. Что ж, что «не проходили»! Писать-то по-русски приходится уже сейчас. «Проработка» позволяет удерживать практически всю русскую орфографию в активе.

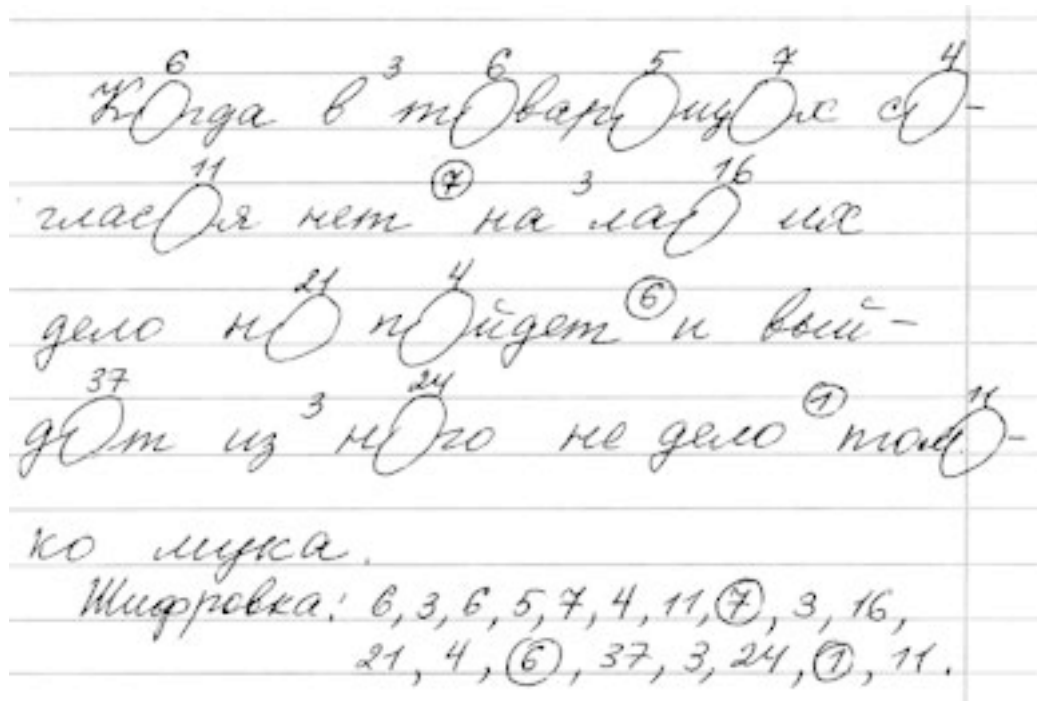

Фрагмент ученической тетради

Шифровальщики

Вариант задания: над каждой дыркой (пропущенной буквой), вариантом слитного, раздельного или через дефис написания или над пропущенным в тексте знаком препинания надо

поставить соответствующий номер орфо- и пунктограммы, то есть соотнести проблемный случай с определённым грамматическим правилом. Выписать цифры в ряд – и получится шифровка. Таким способом можно зашифровать какую-нибудь строфу из Пушкина. Или абзац из рассказа Чехова. А то и вовсе абзац из учебника по математике – отгадайте, какой!

Фрагмент ученической тетради

Такая работа оптимальна, конечно, в компании (в малых группах) – это как раз тот случай, когда в споре рождается истина. Ведь свою первостепенную педагогическую задачу я вижу в осторожном и тщательном налаживании рабочей атмосферы, дружеских контактов – с тем чтобы у каждого ребёнка мог сложиться личный образ работающего бок о бок с другими человека.

Итак, командам раздаётся один и тот же отрывок текста. Каждая команда на свой лад делает его дырявым и передаёт в другую команду, допустим по часовой стрелке.

Следующий шаг: над каждой дыркой надо поставить соответствующий номер орфо- и пунктограммы и выписать цифры в ряд. Шифровка готова.

Интересно ли будет сверять её с шифровками других команд? Ещё как! Ведь шифровки не получаются одинаковыми. И чем больше различных вариантов, тем интереснее детям.

И уж конечно, вариативность – это бальзам на сердце учителя. Ведь есть что обсудить! При этом тема обсуждения не спускается учителем сверху, а возникает тут же, на месте, «из народа». И учитель знает, что, когда он будет высказывать своё мнение, заинтересованные слушатели найдутся.

После того как все недоумения разъяснены, «хоп!» – по общему сигналу оставили свои тетрадки на местах и перешли в соседнюю команду. Самое время заняться штопкой.

По поводу каждой дырки (чем её заштопать) нужно всё же ещё раз окончательно договориться. Пока совещаются, поглядывают на соседей. Те тоже о чём-то шушукуются.

«Хоп!» – и команды вернулись на свои места. Теперь, сверяясь с первоисточником, можно заштопать свой текст уже ручкой, подбирая вдоль дороги соседские ошибочки. Остаётся договориться, какие отметки ваша компания ставит штопальщикам: одну – за грамоту (по количеству отловленных ошибок), вторую – за дружбу (одинаково ли заштопаны дырки?). Отметки, таким образом, получают все – командные. И именно их учитель ставит в журнал и дневники.

Главное – конспирация

А вот пример работы, срежиссированной похитрее.

К работе принимаются, предположим, пять различных текстов, будь то отрывки из Толстого или из учебника по физике. И лучше, если тексты выберут сами ученики. Допустим, от каждой команды – по абзацу. На доске выписываются названия книг или учебников (в классе их должно быть несколько штук). Плюс координаты абзацев.

Итак, задание командам: втайне от других команд выбрать один из абзацев, отыскать его по адресу в книге и зашифровать. А это значит, как вы уже догадываетесь, сделать из него дырявый текст, над каждой дыркой и пропущенным знаком препинания поставить номер орфограммы и на листочке выписать цифры в ряд.

Это задание интересно старшеклассникам, но оно по силам и малышам. Просто у них в обиходе всего с десяток орфограмм, и их дырявый текст не будет таким дырявым, как изрешечённый «пулемётной очередью» текст старшеклассников.

Соблюдать конспирацию и не выдать, над каким абзацем корпиться, – трудно. Но если информация всё же просочится, работа лишится своей изюминки. А изюминка её в том, что по шифровкам, которыми обмениваются команды, им предстоит угадать, что это за текст. Откуда? Из какой книжки?

Может быть, это тот же абзац, что и у нас? Сравним шифровки. Разные... Нет, похожи. Так обнаруживаются варианты. А какой правильный?.. И опять ребятам есть о чём поговорить. И это здорово, потому что разговоры – по делу.

Глядишь, учитель и услышит наконец от своих учеников долгожданные вопросы.

На десерт

Ну а если явно не наш кусочек? Для идентификации придётся из всех подряд абзацев делать дырявые тексты и шифровать. Хотя бы по первому предложению из каждого. Учителю надо очень постараться, чтобы в этом месте у ребят не появился настоящий азарт.

...При этом вся грамматика в активе. И сладостен для слуха учителя русского языка добровольный ученический лепет о тонкостях русского языка: чередованиях и обращениях, причастиях и обособлениях, орфограммах и пунктограммах... А ведь ребятам и вправду о многом надо договориться друг с другом – дело не ждёт. И надо – действительно, а не чтобы сыграть с учителем в поддавки.

Невзначай по дороге можно и открытие какое-нибудь сделать. Например, сравнив (а цифры говорят сами за себя) толстовский синтаксис и синтаксис учебника по биологии. Мой друг и коллега говорит, что по-настоящему восхищаться человек может лишь тем, что сам открыл. И по-настоящему сомневаться он может лишь в том, в чём засомневался самостоятельно. Ведь это сомнение он открыл сам.

Средство четвёртое. «Таблица умножения» словарных слов

Словарные слова, как и таблицу умножения, надо знать наизусть. Вот только таблица умножения помещается на одной тетрадной страничке, а словарных слов, правописание которых в большинстве своём не поддаётся никакой логике (детской, во всяком случае), – целый толстенный словарь. Их надо учить и учить, нередко снова и снова возвращаясь к одному и тому же слову. Хорошо ещё, если ребёнок много читает и у него достаточно развита интуиция. А если он *корзину с картиной* уже третий год запомнить не может?

Как при запоминании избежать постылой зубрёжки? А если разнообразить это монотонное, скучное дело какими-то сюжетными ходами? Придумать интригу? Так организовать эту работу, чтобы дети имели возможность встретиться не только с капризным словом, но и (может быть, это главное) друг с другом, обнаружить друг друга и удивиться.

Глядь – а словарные слова как-то сами собой и улеглись в голове.

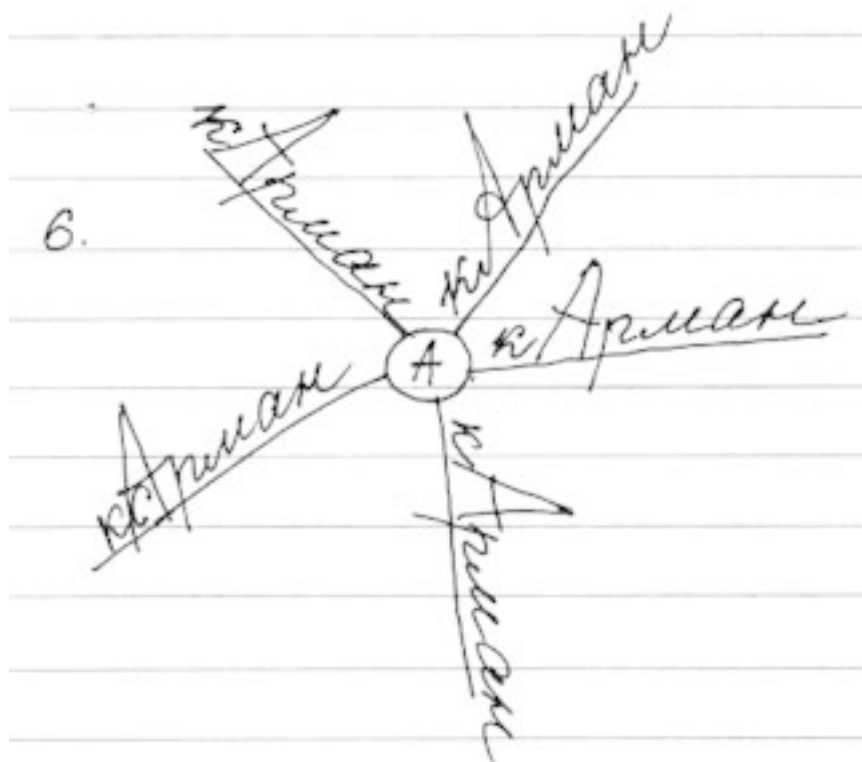
Солнышко и стенка

Однажды мы с классом договорились, что если ошибся в словарном слове, то его, во-первых, нужно **написать на солнышке не менее пяти раз**, а во-вторых, **вывесить на стенку**.

Солнышко выглядит примерно так, как нарисовала его Варя, прорабатывая слово «карман».

При этом важно, чтобы словарное слово было написано не только несколько раз, но и не в одну строчку, как это обычно делается, а обязательно на лучах солнышка, то есть под разным углом зрения. И буква, из-за которой слово угодило на солнышко, должна бросаться в глаза своей величиной.

А что за загадочное «вывесить на стенку»? Учителям это надо понимать буквально. Солнышко солнышком, но опыт показывает, что иногда его бывает недостаточно. (Словарных слов так много, целый словарь. Разве все упомнишь!) Хорошо бы вернуться к нашему «крепкому орешку» ещё разок или лучше – два. Для этого можно, например, написать строптивое слово на листе большого формата жирным фломастером, выделив проклятушую букву **размером и цветом**.

Фрагмент ученической тетради

А затем вывесить листок для всеобщего обозрения на стенку класса при помощи скотча. Стены наших классов постепенно скрываются под этими своеобразными обоями. (Учителю же при покупке скотча придётся позаботиться о том, чтобы он не оставлял после себя на крашенных стенах тёмных следов.)

Откуда бы взяться такому количеству и разнообразию словарных слов? Ведь в конце учебника по русскому языку их не так много, и список для всех один.

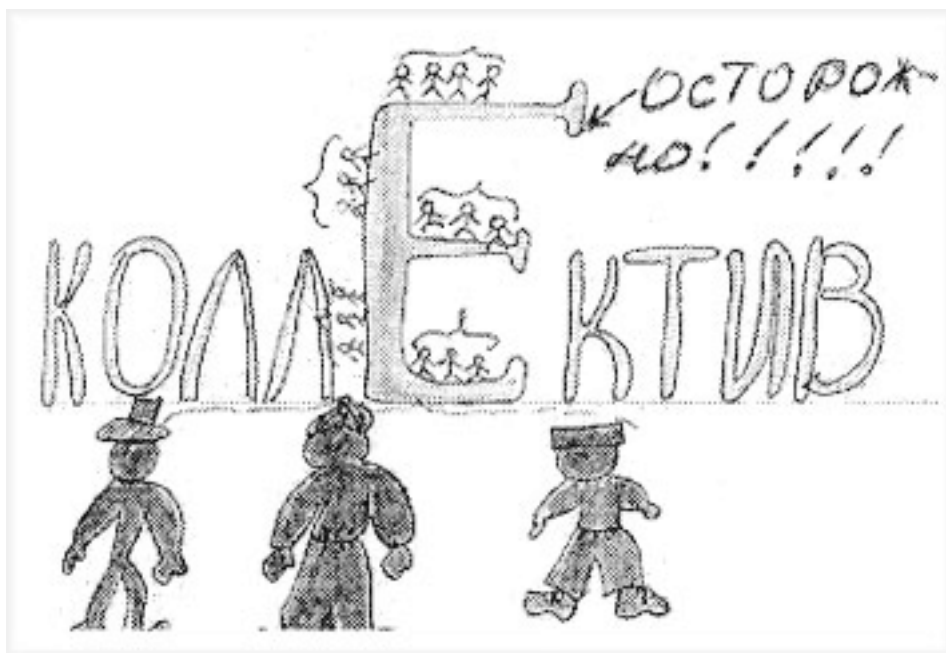

Сочинения, изложения, короче, всё, что пишется на уроках русского и литературы, – это один источник. Другой (столь же неистощимый, но черпаешь из него уже в средней школе) – это тетрадки по предметам, требующим конспектирования: истории, географии и так далее. Появившаяся на полях (конечно, наряду с другими) цифра 6 обязывает ученика действовать согласно вышеуказанной инструкции. Вот вам и куча словарных слов, причём каждое – из персонального словаря учащегося N.!

Круговорот слов

Неделю слова висят, а ребята их обживают: рассматривают, иллюстрируют (это любимое), попутно кое-что запоминают. Да просто узнают новые слова! В общем, взаимообогащаются. Каждый день (с подачи учителя или без) отмечают, что новенького появилось на стенках.

И вот листков со словами уже столько, что места на стенке не хватает. Что делать дальше? Тут как раз и наступает момент урока, который называется «стенка». Учитель даёт несколько минут для «фотографирования». Затем счастливчик (тот, кто заработал или кому просто повезло совершить этот ритуал) торжественно снимает все слова со стенки, при этом как-то так сложилось, что каждое слово проговаривается вслух, по слогам и хором – как в первом классе. Последовательность снятия слов не случайна. Её определяет история, которая сочиняется счастливчиком тут же, по ходу дела. Истории бывают притянуты за уши, но среди них встречаются и забавные. (Иногда после ритуала снятия слов со стенки я давала задание восстановить ту или иную историю, в соответствии с её ходом развешивая перепутанные листочки по местам. Это тоже работает на невольное запоминание.)

Наконец пачка листов в руках учителя. Следующий ход: он быстро (почти скороговоркой) диктует слова, ребята записывают их в тетради. Затем наступает момент проверки. Ребята меняются тетрадками в парах. Учитель предъявляет им листочки по одному. Это ещё одна встреча со словарным словом. Помните, сколько их? Нашлась ошибка (№ 6 на полях) – солнышко – изготовление правильного листочка – вывешивание – пребывание на стенке – ритуал снятия – диктовка – проверка. Семь! Как тут не запомнить даже самые длинные и экзотические слова, например *мистификация*, сколько бы их ни было.

Ребята сверяют листок с тем, что видят в соседской тетради. И если ни у кого ошибки не обнаружено, то слово отправляется «на пенсию» (дети придумали), с тем чтобы отдохнуть. Но, может статься, через некоторое время, например через месяц, оно опять окажется на стенке для проработки.

Если же в классе есть хоть один «прокол» (поднятая рука означает ошибку), то несчастное слово – ну нет ему покоя! – немедленно возвращается на стенку. Через неделю его ждёт ещё одно испытание, правда уже в новой компании.

Подводим итоги. Ни одной ошибки – пятёрка, одна-две – четвёрка, от трёх до пяти – тройка, больше пяти – двойка, а то и вовсе кол. Личная подпись. Тетрадь возвращается к хозяину.

Обсуждаем, по какой причине слово вторично угодило на стенку: или «ошибкоопасное» место выделено непрофессионально, или фломастер бледный. Знатоки этого дела берут листок со словом «на реставрацию»...

Вот такой круговорот слов в природе.

Средство пятое. Поднимем орфографические паруса!

Эту работу давным-давно я подсмотрела на уроке Елены Павловны Ельсуковой, которая в те далёкие времена так же, как и я, бегала к замечательной московской учительнице Лидии Филякиной за «филькиной грамотой» чуть не каждый вечер...

Итак, положим, что после очередной проверки тетрадей вы наскребли штук двадцать слов с детскими ошибками и они у вас выписаны на листочке. Попросите посыльных раздать по штуке на каждого предварительно нарезанные полоски бумаги – «паруса».

Теперь надо определиться с бортами. «Левый борт» – это те, что сидят по левую сторону от мысленно проведённой посередине парты черты, «правый» – те, что сидят справа от неё.

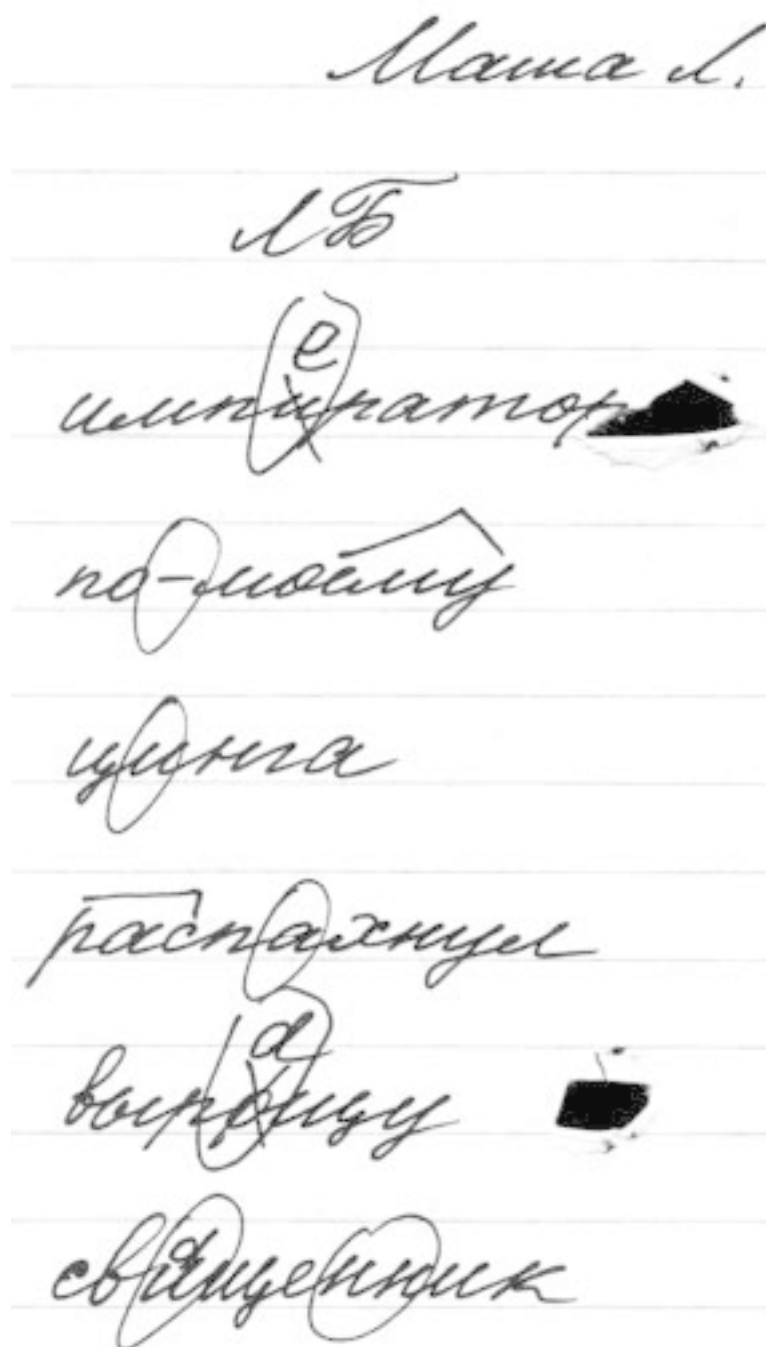
Читатель своим училкиным носом уже чувствует, небось, что «борта» – это традиционные первый и второй вариант, а «одиночное плавание» окажется самым обыкновенным словарным диктантом. Тут мне вряд ли удастся его переубедить. Только вот что ответил мне сын, будучи уже семиклассником, на мой вопрос, не чуял ли он тогда подмены, не считал ли «одиночное плавание» хитрой уловкой учителя, подсовывающего им горькое лекарство: «Нет, конечно! Ты что?! И в голову не приходило. Зачем ты сказала?! Было **так** интересно!» Сравнение показалось ему чуть ли не циничным! Для Никиты это была **другая** работа.

Одиночное плавание

«Левый борт, подмигните мне левым глазом. Правый, помашите мне правой рукой... Поплыли!» И я диктую по одному слову левому и правому борту по очереди – всего по десять слов каждому.

Диктую очень быстро, переспрашивать и переговариваться нельзя: плавание-то одиночное. Один на плоту. С кем говорить, с чайкой, что ли? Опять же, к соседу сзади обернёшься – плот перевернёшь, а на море и без того штормит. Не так уж часто маленькие обитатели нашей школы сидят «трамвайчиком» – в затылок друг дружке, но публичное одиночество здесь деловое. Оно замотивировано правилами игры и бешеным темпом, а вовсе не тем, что так удобно учителю.

Слова пишутся в столбик, и парус каждый раз надо сворачивать (загибать бумажку) ровно на одно словечко. Шестиклашки моего коллеги Сергея Плахотникова на уроке литературы были ошарашены своим открытием: «Как это *белеет парус одинокий*? Явная же буря: *мачта гнётся и скрипит, ветер свищет*. Но ведь в бурю паруса сворачивают!» Вот и мы свои свернули наконец.

Фрагмент ученического «паруса»

Волны становятся меньше. Море стихает. «Поднять паруса!» Разворачиваем бумажки, открывая по слову. Начинаем с последнего. «Левый борт, найдите в своём слове двойную “эс”» (или произносимую «тэ», или твёрдый знак и т. д.). «Правый борт, найдите в своём слове чёрточку» (или корень – *плав-*, или две буквы *е* и т. п.). Сами слова и что в них искать – это зависит от того, во втором или в пятом классе происходят события.

Нашли – обвели в кружок. Не нашли – придётся проделать в этом месте дырку. Ручкой. Настоящую. Насквозь. А дома придётся парус штопать (делать работу над ошибками).

Вот и десятое (пятнадцатое, двадцатое – это смотря какие у вас аппетиты), последнее слово. Парус развёрнут. «У кого сколько дырок?» Расстроенных нет: одни рады, что ни одной, другие – что их вон сколько!

По морю-окияну

Эта работа со временем претерпела ряд модификаций. Появились определённые маршруты. К примеру, по океану Безударная гласная в корне (вот уж действительно, безбрежный океан!), по морю Слабое глагольное окончание или Чередование гласной в корне.

Я крепко стою на том, что плавание на тему «Безударная гласная в корне» необходимо в начальной школе чуть не на каждом уроке. Пять минут тренировки. По одному человеку от каждого борта – «проводники» (они хорошо знают эти места). Проводники называют сразу проверочные слова, остальные обводят в кружок теперь уже очевидную гласную. Или не обводят. Тогда что? Правильно, проделывают дырку!

Дырка – это ж не просто дырка. Не в любом месте слово может порваться. А в каком? Эта работа стала преддверием следующей – самому создавать дырявые тексты.

Впрочем, плаванья не тематические (по морю-окияну), а – по крошке, приготовленной из различных орфограмм, у нас по-прежнему в чести. Знатоки берутся «раскрыть карты» – подсказать, по какому поводу возможная дырка. Ещё мне нравится, когда ребята узнают слова из своих родных сочинений. Тут им трудно не нарушить закон молчания во время «одиночного» плаванья. Волей-неволей закричишь: «А это моё слово!»

Панов с.
ПБ
пригласишь
рассердился
выжился
заставляет
отрицалась
катушка
совершено

Фрагмент ученического «паруса»

В четвёртом классе, помимо собирателей монет, открыток и киндер-сюрпризов, появился ещё один коллекционер: Таня Романова коллекционировала «паруса». Те из них, что промелькнули здесь, любезно предоставлены Таней специально для этой публикации.

Средство шестое. Долгоиграющая тетрадь

Словесник иногда пуще других боится какими-нибудь технологиями отбить у учеников вкус к живому языку. Но как помочь тем, у кого не срабатывает языковая интуиция? С логикой-то у них всё в порядке, но произвести логические операции на диктанте или сочинении не всегда есть время. А вот как помочь руке стать умной и писать без ошибок?

Грамматический тренажёр

Словеснику очень не хватает того, что поддерживало бы учеников «в хорошей форме». Чего-то вроде спортивно-лингвистических тренажёров. Положим, ознакомились мы с разновидностями чередования гласной в корне или со спряжениями глагола. А как приучить руку безошибочно писать именно корень – *бер-* (а не – *бир-*) или в глаголе второго лица единственного числа – окончание именно – *ешь* (а не – *ишь*)?

Можно, конечно, просто «пройти» тему («Не мимо ли?» – любимая присказка Лидии Филякиной). Тот, у кого есть интуиция, и «до» всякой темы писал правильно. А вот как помочь тем, у кого интуиция не срабатывает?

Раздаточный дидактический материал? Заполнил серую бумажку, есть ошибки или нет, всё одно – выбросил. Нет, здесь нужно что-то долгоиграющее, многократного использования. И вот появились в нашем арсенале «клеёнчатые тетрадки» по русскому языку.

Первые три были вынужденной мерой: периодически я вдруг ужасалась изобилию тех или иных ошибок. Например, за некоторыми спинами аж до третьего класса тянулось хвостом «масло масляное»: всякие *щЯвель* и *плачЮт*. Караул! Чтобы покончить раз и навсегда с этим безобразием, мы с коллегой Ольгой Лапиной и придумали первый задачник. Он был на основные фонологические правила: правописание *жи – ши, ча – ща и чу – щу; чк – чн* и иже с ними; разделительных мягкого и твёрдого знаков.

Второй и третий задачники, посвящённые «трём китам» русской орфографии – безударной гласной в корне, парной и непронизносимой согласной, возникли следом. Эти тоже были «аптечкой скорой помощи» тогдашнему четвёртому классу.

В пятом классе появились ещё два. Теперь уже не авралом, а загодя, предвкушая продвижение в материале. В одном задачнике – именное склонение и все сопряжённые с ним трудности правописания окончаний. В другом – ещё три больших раздела: чередование гласной в корне, правописание приставок *пре-* и *при-* и спряжение глаголов. (Все пять задачников см. в дидактических материалах: <http://6url.ru/jhLx>.)

Технические характеристики

Все задачники были набраны на компьютере. Словесный материал в основном придумывался по ходу дела, некоторые конкретные задания позаимствованы из замечательных книжек Т. Рик и не менее замечательной книжки Г. Граник, С. Бондаренко и Л. Концевой «Секреты орфографии». Тексты для раздела «Всего понемножку» брали из книг, что лежали под рукой, и потом дырявили.

Две страницы задачника формата А4, выведенные в печать через принтер, засовываются в так называемый файл (суть прозрачный пакет стоимостью рубль за штуку), и получается один лист клеёнчатой тетради. Пронумерованные листы сшиваются вместе (в файлах предусмотрены отверстия для шнура). Готово!

Тексты упражнений пронумерованы римскими цифрами, а инструкции к упражнениям (см. в конце раздел «Список инструкций») – арабскими. Учительская запись на доске: «XV –

№ 4, № 13 и № 20» означает, что с текстом упражнения XV ученики должны проделать операции, указанные в «Списке» под цифрами 4, 13 и 20.

Инструкции могут быть, например, такими: определите падеж местоимения; поставьте ударения; подчеркните качественные прилагательные; обведите в кружок сомнительную согласную; отметьте корень; выделите основы предложений и так далее. Штук сорок самых разных инструкций.

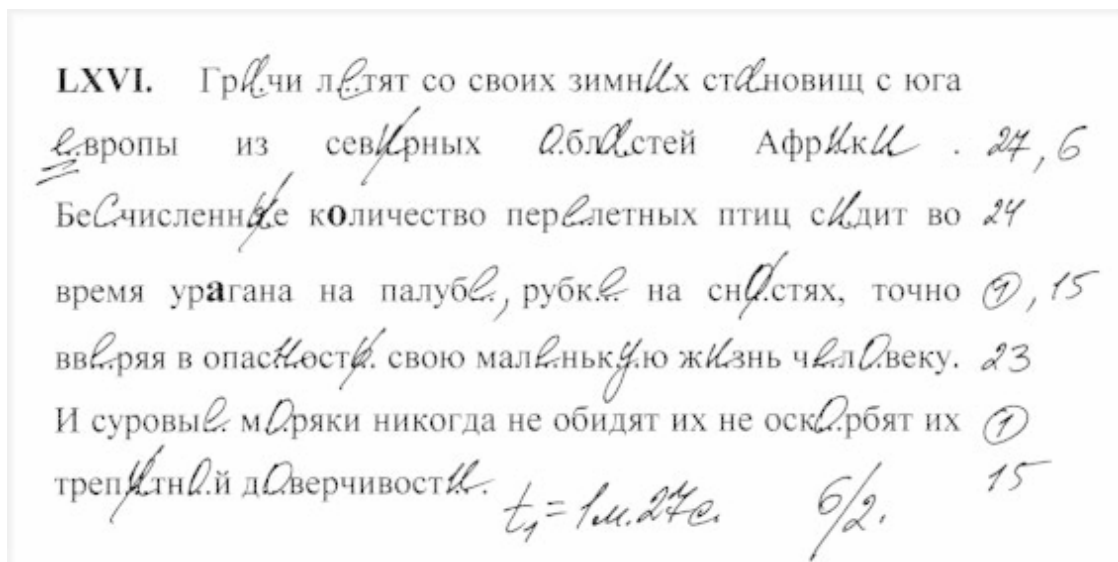
Это здорово, что к одному и тому же тексту я могу отослать ученика с любым набором инструкций – в зависимости от проживаемого материала, моих задач или конкретных проблем этого самого ученика.

Договорённости

В такой самодельной тетради-задачнике работать нужно только спиртовым(!) маркером, который, в отличие от водного собрата, не стирается пальцем. Маркер должен быть не красного и не зелёного цвета, потому как красный и зелёный – цвета проверяющего.

Первый заход в задачник – это инструкция № 1: «Вставить пропущенные буквы». Эта инструкция выполняется только на время(!), которое и записывается в конце упражнения (например, $t_1 = 1,5 \text{ мин.}$) Это принципиально. Не ограничь ребят во времени – и они будут долго думать головой, вспоминать орфограмму и, боясь ошибиться, спрашивать у мамы, какую букву вставлять. В итоге всё у них будет правильно, и как раз это лишит их возможности ещё раз вернуться в данное упражнение. Не голова должна думать, а рука – сама собой писать правильно. На сочинении некогда размышлять, как что пишется, – успеть бы мысль закончить. Значит, руку надо приучать быть умной.

Итак, ученик заполняет заданные номера быстро (за одну-две минуты) и отдаёт учителю на проверку. Если учитель не находит ошибок, то он «зануляет» упражнение, то есть в конце выводит зелёный или красный 0 или ставит другую цифру – в зависимости от количества ошибок (1 – одна ошибка, 8 – восемь ошибок).

Фрагмент ученической «клеёнки»

Если в упражнении есть хотя бы одна ошибка (не говоря уж о нескольких), ученик её вначале прорабатывает по инструкции из «Проработки ошибок и неточностей». Только после проработки(!) – стирает упражнение одеколоном (ноу-хау в этой области – дезодорант и освежитель воздуха) и заполняет его заново. Опять же – на время. Появляется t_2

Учитель ещё раз проверяет и ещё раз выставляет количество ошибок напротив t_2 . И ученик с удовольствием констатирует, во-первых, тот факт, что время t_2 меньше времени t_1 . А во-вторых – что ошибок стало меньше! А то и вовсе ноль!

Бывают трудные случаи, и упражнение зануляется лишь с третьего или четвёртого раза. И не только потому, что ученик не проработал ошибки, но и потому, что выплывают новые. В конце концов он становится асом и заполняет упражнение за каких-нибудь 40 секунд и без единой ошибочки!

К «зачёту по клеёнке» допускаются те, у кого занулены или готовы к занулению все номера и выполнены все прилагаемые к ним инструкции. Но непременно у кого-то будет что-то не так, и вновь по школе поплывут испарения тройного одеколона, проникая во все углы и оповещая всех о нашем зачёте...

Возврат на фоне

А через полгода-год полезно ещё раз запустить ребят в тот же клеёнчатый задачник. Только на этот раз они управляются с ним по-свойски – очень быстро и в один присест (рука «поумнела»!). И проверяют друг у друга сами (хлебом не корми – дай только что-нибудь проверить). Что остаётся учителю? Поставить отметки «за тщательность проверки» в журнал.

Возврат вполне может происходить на фоне кропотливой работы в следующем задачнике. И эта работа, в свою очередь, никак не мешает «проходить очередную тему» по программе. Получается наступление по трём фронтам.

Где взять время ещё и на клеёнки? Ребятам – разве что минут десять (я задаю не больше десяти номеров одновременно), ведь клеёнки, как вы уже убедились, заполняются автоматически и очень быстро. А вот учителю действительно приходится попыхтеть. Я, например, первое время втискивала проверку в какое-нибудь «окно». А бывало, что доверяла проверку грамотеям, занулившим свою очередную клеёнку досрочно.

В общем, клеёнчатые тетрадки – это здорово. Правда, от размазанных одеколоном маркеров они постепенно приобретают синюшный цвет. К тому же их тяжело таскать. Зато в письменных работах моих учеников после очередного задачника резко снижается количество определённого сорта ошибок.

А игровые групповые задания по клеёнчатой тетради для своих учеников читатель, я уверена, выдумает сам. Такие, чтобы на уроке ещё раз состоялась встреча сверстников друг с другом, чтобы между ними мог возникнуть по-настоящему живой разговор о тонкостях русского правописания.

Глава II. Каллиграфия. Когда включается механизм всматривания

Китайские секреты русской грамотности. История о том, как полезно иногда бывает «почудить»

– ...Взгляните на эти круглые «д», «а». Я перевёл французский характер в русские буквы...

– ...Право, вся тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось, и талант просится, да воротник военный туго на крючок стянут, дисциплина и в почерке вышла, прелесть!..

– ...А росчерк – это наипаснейшая вещь! Росчерк требует необыкновенного вкуса; но если только он удался, если найдена пропорция, то эдакой шрифт ни с чем не сравним, так даже, что можно влюбиться в него.

– Ого! да в какие вы тонкости заходите, – смеялся генерал, – да вы, батюшка, не просто каллиграф, вы артист, а?

Ф. М. Достоевский. Идиот

Когда в школе отменили чистописание, все облегчённо вздохнули. И я в том числе. Пожалуй, только в Китае всё ещё любят чистописание. И то лишь потому, что оно там называется «каллиграфия».

Каллиграфией мы занялись нечаянно. Правда, в начале она у нас оказалась «грязнописанием». Но неожиданно мы наткнулись на ту дорогу, что ведёт к грамотности. Случилось это, к сожалению, не в первом классе, а в четвёртом.

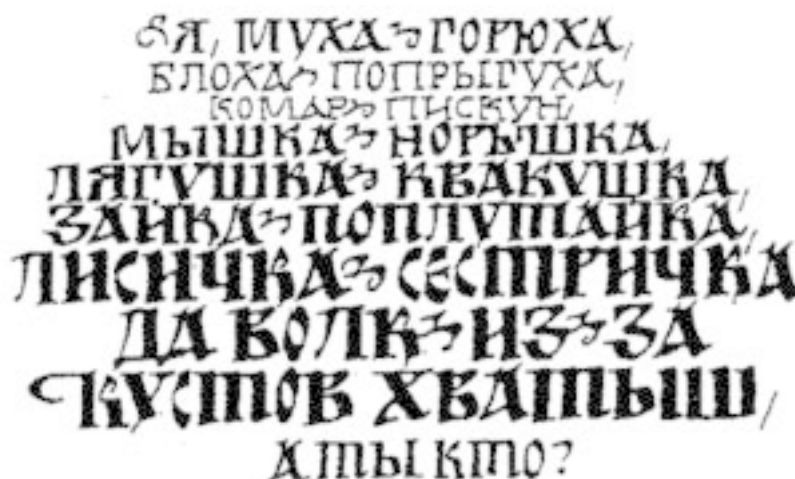
Работа переписчика-каллиграфа отличалась от заурядного переписывания в тетрадь упражнений по русскому языку. Поменялся угол зрения на текст. Включился механизм всматривания, задержки зрения, при посредстве которого накапливаются наблюдения над языком и который потом, в свою очередь, включает интуицию.

Уже за полгода занятий каллиграфией мои четвероклассники сделали явный скачок в грамотности. Я всё думаю: почему, в чём секрет? И мне хочется заглянуть в самое начало.

Кто заварил кашу

В словаре Даля про каллиграфию всего-то два слова: «чистописание» да «краснописание». А в самой что ни на есть Научной педагогической библиотеке им. Ушинского если и отыщешь в ящичке «Учебники до 1917 года» нужную карточку по каллиграфии, то уж непременно с пометкой «УН», что значит «уникальный экземпляр». А это, в свою очередь, значит, что либо его вообще нет, либо он общипан – утеряны приложения со шрифтами.

Поэтому для меня важно определиться с жанром. Мой коллега, описывая свой педагогический опыт, вывернулся ироничным словом «опусы». Мне тоже не хочется, чтобы мой труд выглядел претенциозно. А то как отыщется любитель новых методик и давай детей мучить. Художники (только-только узнала, что им как раз преподают каллиграфию) – так те разозлятся. Скажут: «Ну и наглая же эта Ганькина! Где наклон, устав, такт?» Так что безопаснее всего просто рассказать, как дело было.

Первый исходный образец каллиграфии – страница из книги «Теремок» (худож. Л. Проненко и М. Сенькин; Краснодар, 1985)

Каллиграфскую кашу заварил доктор педагогических наук Вячеслав Михайлович Бука-тов (тогда, в 1995 году, он кандидатом был и генератором всяческих идей). Он же и поручил мне написать о том, что из этого вышло. Ведь он как рассуждал: вдруг кто прочтёт – и тоже «захочет почудить»?

Ну и мне охота и себя, и учеников своих показать.

Левой пяткой

Началось с выставки тетрадок по русскому языку. Вячеслав Михайлович об этом факте не знает. Дело давнее. Конец второго класса. Экспозиция лучших (наичистейших) страниц называлась «Высунув язык», худших (наигрязнейших) – «Левой пяткой».

Несмотря на множество прививок и профилактических мер, моё тогдашнее состояние было паническим в отношении тетрадей. Всё то, чем гордится традиционная школа (поля, 1 см слева, 2 см справа, ровненько, чистенько, и «травка зеленеет», и «солнышко блесит») напрочь отсутствовало у нас. Я, конечно, понимала всю эфемерность тамошнего благополучия (оно

было тюремным). Но экспозиция впечатляла и звала к борьбе. Бороться я не стала – был конец года.

А на следующий вдруг выяснилось, что победитель конкурса «Левой пяткой» Катя (кстати, её тогда наградили, и, по крайней мере внешне, она была довольна не меньше обладательницы лучшей страницы Ксюши) стала находить вкус в том, чтобы здраво располагать материал в поле страницы, аккуратно писать и не унавоживать тетрадь чернилами. Катя, которую умная мама лишила опеки ещё в самое трагическое первоклашное время, потихоньку разобралась со своими (именно своими) делами – не без слёз, конечно, – и сделалась ученицей гораздо раньше остальных.

Второй исходный образец каллиграфии – страница из «книжки-картинки» А. Эппеля «Шторм» (худож. В. Дмитриук; М.: Детская литература, 1976)

Третий исходный образец каллиграфии – фрагмент страницы из книги В. Александри «Мастер Маноле» (худож. И. Богдеско; Кишинёв, 1986)

Сейчас я знаю, что всему своё время. Если не нарушать естественный ход событий. А то оно может и вовсе не наступить. Те дети, которым учителя или родители задавали жёсткие рамки поведения в тетради, ещё долго не могли полюбить свои тетрадки. (Этот исполненный глубины абзац я написала давно. Сейчас я бы не решилась затевать разговор о рамках – он философский. Обмолвлюсь только, что в игре жёсткие рамки не только уместны, а просто необходимы, тем более если они задаются самими участниками. Так что «есть такая партия»!)

Супрематизм на полу

В общем, я периодически была взволнована проблемой оформления тетрадей. И вдруг (это был четвёртый класс) я услышала от Вячеслава Михайловича слово «каллиграфия». Как-то так всё сошлось, что он подбросил нам детские книжки, в которых тексты были оформлены рукописными шрифтами, а у моего коллеги Сергея Владимировича Плахотникова ещё в первом классе родители смастерили подставки для письма.

Ну вот. Берём подставку, деревянную ручку-макалку, бутылочка с чернилами – справа, промокашка, тряпица – слева, к подставке резиночкой прикрепляем особую каллиграфическую тетрадь (четырёхстрочную, вроде нотной) и начинаем красиво писать. «Красиво» – это как? А так, как в трёх наших книжках: «Тереме-теремке» – с образцом славянского письма, «Шторме» – с витиевато написанной «Песней старых мореходов с допотопных пароходов» (а потому этот образец получил у нас название «XIX век») и в «Мастере Маноле» – с буквами, напоминающими готические, которые «в народе» стали называться просто «маноле».

Итак, располагая тремя образчиками письма, мы стали их осваивать, толком не владея собственным почерком. Вот вам и вся каллиграфия. И больше ничего за душой не было, в смысле, каких-то познаний. О наклоне, нажиме, уставе, темпе я узнала много позже. «Лёгкость в мыслях необыкновенная», не правда ли?

Вход в каллиграфию был таинственный, с придыханием. Одно это слово – «каллиграфия», которое тут же было выведено («высунув язык») на титульном листе тетради, – чего стоит.

За подставками ходили вниз, в класс к Сергею Владимировичу, – «след в след», на цыпочках, чтобы не мешать третьекласскам. А чернила были вовсе не чернила, а – тушь! Чёрная тушь на красном паласе, которым был покрыт пол, – супрематизм!

Время от времени супрематическими становились портфели и стены. Если рожи были просто грязные, то язык окрашивался в чёрный цвет равномерно (то, как Лёша и Катя решают проблему чернил, – сквозная тема многих сочинений).

На перемене коллеги деликатно подсказывали мне, где утереться («Золушка ты наша»). Причём этот макияж не отмывался даже мылом.

И все в школе знали, что «у нас сегодня каллиграфия».

Аромат эпохи

Начали с «XIX века». Во первых строках появились загогулины, которыми изобилует «Песня старых мореходов».

Народ тут же признал в них родные «пилю бревно», «морячок качается» и «с горки на горку» (см. росчерки для обучения письму, предложенные в книге: Шулешко Е. Е. Понимание грамотности. М., 2001). С них мы начинали каждый урок. Это была разминка.

Потом мы стали учиться писать заглавные буквы, а поскольку в «Шторме» их было штук 6-7, то остальные пришлось выдумывать. Выдумывали на доске мелом, парочку лучших (а уж это на твой вкус!) втискивали в четырёхстрочие тетради.

На каждую заглавную букву выдумывали «старинное» имя, в следующей строке – имя какого-нибудь литературного или исторического персонажа (с моей подачи).

Кто эти люди? Я пользовалась моментом внимания, чтобы рассказать, показать портреты и так далее. И неоднократно убеждалась в том, что эта информация, подсунутая как бы между прочим, цепко сидит в детской памяти. (В отличие от урока, который надо на следующий день **ответить**, а значит, **отделаться**, **отдать**.) Мои ребята, будучи шестиклассниками, продолжали удивлять меня репликой: «Ну как же вы не помните, вы нам в первом классе рассказывали!»(?!)

В каллиграфской тетрадке живут и Людвиг ван Бетховен, и Евгений Онегин, и Жанна д'Арк, и Уильям Шекспир, и Ханс Кристиан Андерсен, Ромео и Джульетта, граф де ля Фер, Гай Юлий Цезарь... Тщательно выводя «Натали Гончарова», мои ребята – я надеялась – ощутят «чистейшую прелесть» самой Н. Н. и, так сказать, аромат эпохи. Мне казалось, что каллиграфия плюс мои рассказы «про это» выстраивают ту самую чувственную подложку под будущий курс литературы, истории. Собственными руками воссоздаётся кусочек эпохи. И вот за линией, завитушкой, буквой – уже речь, одежда, лица, страны, народы, события.

И, наконец, в следующей строке мы (я – на доске) писали целую фразу. Непременно изысканную: «Низкий Вам поклон», «Сделайте милость», «Премного благодарен», «Не откажите в любезности» и так далее.

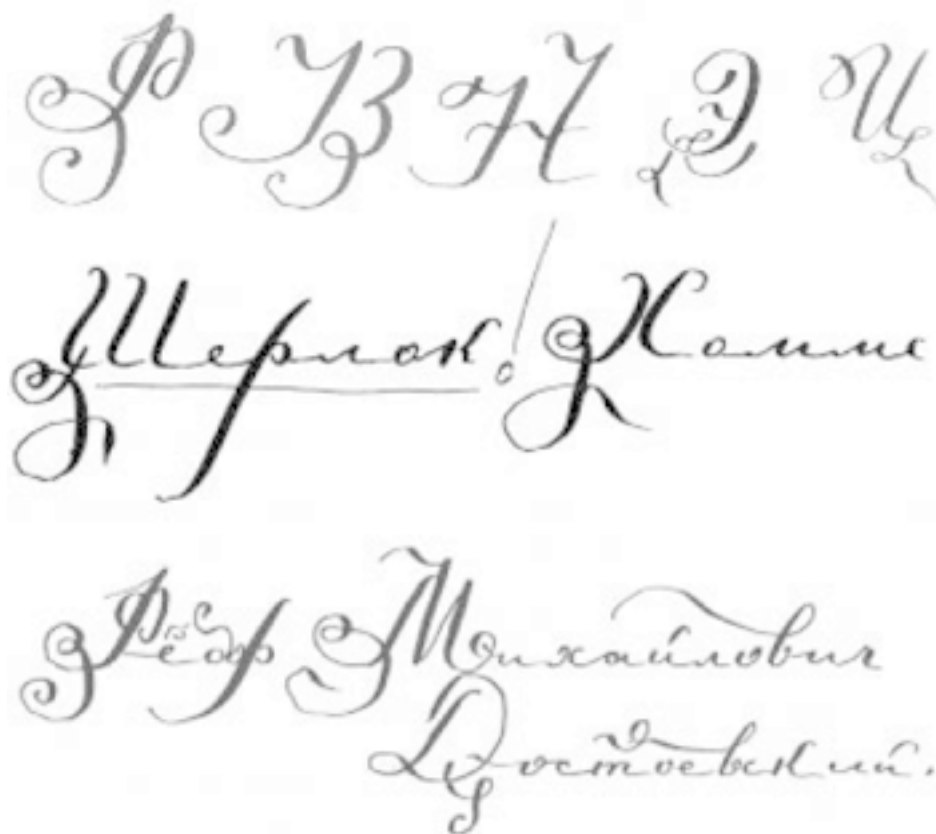
На большой перемене во время завтрака потом можно было услышать:

– Милостивый государь, не откажите в любезности. Если Вас не затруднит, передайте, пожалуйста, неподгорелый блин.

– Ха-ха-ха!..

Я обнаглела и задала – под дружное «Ура!!!» – отскерокопированное домашнее задание по каллиграфии. Так вот, большинство на следующий же день сообщило мне со сладостнейшей улыбкой, что они – «уже». А урок каллиграфии – ровно через неделю.

Поначалу то ежедневное тягостное время перед уроками, когда учителя нет или не все пришли и запросто можно начать слоняться, а то и вовсе распоясаться, проводили так: народ (попки кверху) обсуждал чью-нибудь каллиграфскую работу.

Это уже через год. Нажим, наклон – всё как положено

Единичка, навесик, пуфик

Строчные буквы мы писали поэlementно. Элементы – ровно те, что давались при обучении письму в нашем первом классе, с обязательными «пол-листиком» и «верхним/нижним соединениями». (Мне показалась счастливой мысль вернуть четвероклассников в ту «доисторическую» эпоху.) Но! С неперменными росчерками, завитушками и пересечениями букв.

Тут же родилась идея писать незнакомый текст под диктовку по элементам. Быть «диктофоном» (он один видит текст) престижно. Лес рук. Тянули жребий. Однако в самом начале я вместе со всеми писала под диктовку. Писала на доске мелом, чтоб видно было, – подстраховывала. Потом это стало не нужно.

А вот как выглядит та самая диктовка, которая произвела на Вячеслава Михайловича впечатление. Он ещё сказал: «Высший пилотаж».

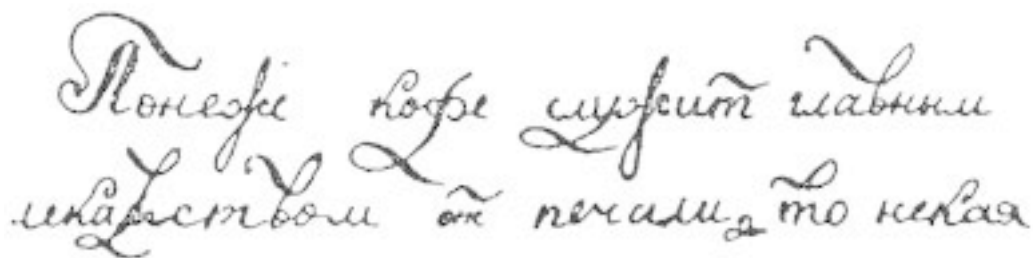
По считалочке выбирается «диктофон». Ему выдаётся книга с нужным текстом. Он начинает писать, одновременно озвучивая все свои действия, начиная с «открываем бутылочку с тушью, берём ручку, обмакиваем в тушь». Один только «диктофон» знает текст, остальным же объявляется не слово, не слог, даже не буква(!), а всего лишь следующий элемент.

«Диктофон»:

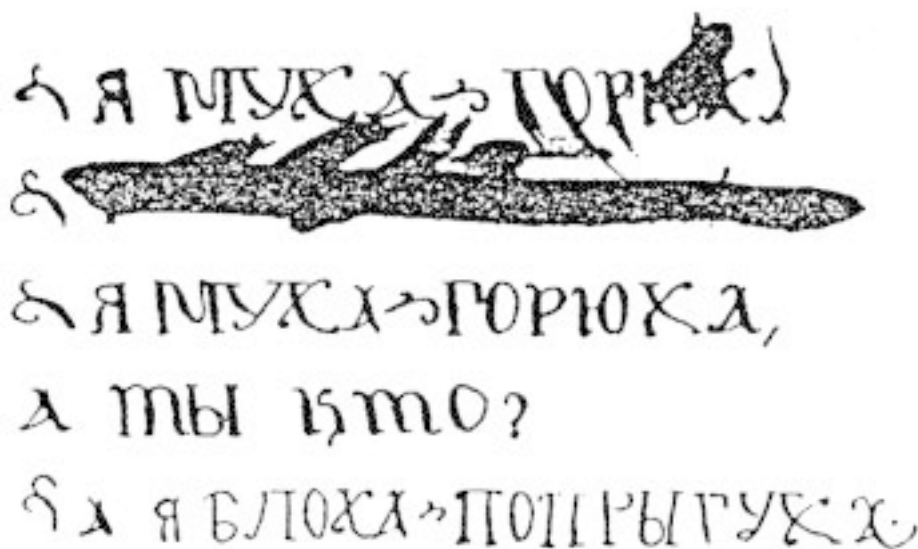
– Заглавная *п* с пузырьком и большой шляпой (это легко) – *о*-элемент с петелькой – единичка – волна – пол-листика – *е*-элемент в нижнее соединение – хохотушка – гармошка – *с*-элемент – *е*-элемент – пробел – единичка – навесик – пуфик – *о*-элемент с петелькой – левая щёчка – нос с усами – правая щёчка – *е*-элемент... (Должно получиться *Понеже кофе*.)

Пока все элементы безошибочно не выпишешь – понять текст, который достался «диктофону», невозможно! Опять же бывало, что высказывалась благодарность «диктофону» за точ-

ную работу. Это когда в тетрадках, наконец, появлялся текст: элементы складывались в слова, слова – в предложения...

По мере возрастания мастерства всё большая свобода стала проявляться в написании букв. Каллиграфическая вязь перестала пугать, рука стала размашистей, линия смелей. «Маноле» и «кириллицу» они освоили сами, без меня, у доски. Вначале сводили на кальку, после переписывали текст в тетрадь. В некоторых тетрадях можно наблюдать по три-четыре попытки: выбиралась высота, густота и толщина букв. Отдельные попытки обильно политы добровольными слезами.

(Иллюстративный материал к этой главке был любезно предоставлен Верой и Ксюшей Л., Никитой Г., Катей Л. и Таней Р., которые не без труда отыскивали свои прошлогодние тетрадки.)

Лёд тронулся

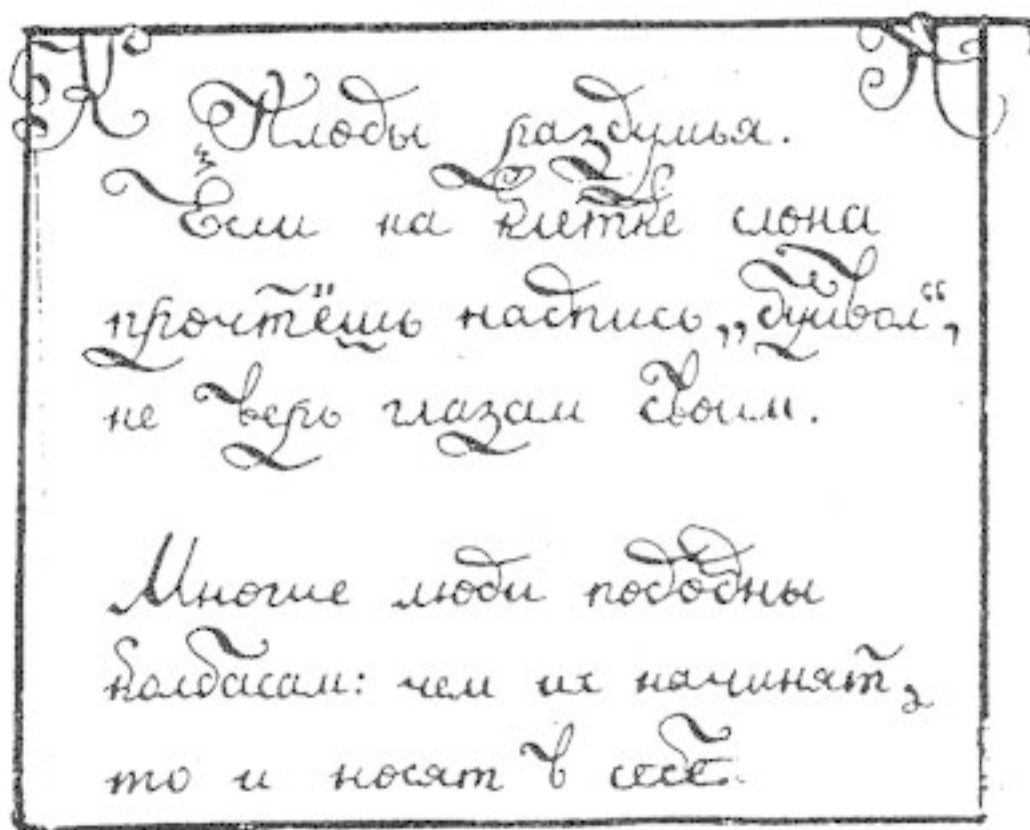
О неожиданностях. Начиналась наша каллиграфия как пропедевтические упражнения. Разок в неделю. Хотелось сделать акцент на некоей культуре писания и обхождения с тетрадью. И всё. Сколько это продлится, никто не знал. Можно было повалить дурака и бросить. И тоже – «ничего страшного», как говорит Вячеслав Михайлович.

Но у нас дело приняло крутой оборот. Ажурное слово «каллиграфия» запорхало по нашей школе. Это было открытием для всех – что «я могу так писать» или «он может так писать». Вокруг тетрадей собирался народ. Восклицательный знак был высшей оценкой того места, где «получилось». Эти места смаковались и всем миром подвергались тщательному анализу.

Успешность в таком ни на что не похожем деле, как каллиграфия, была непредсказуема. Вдруг стали заметны некоторые люди, в сторону которых головы наших образцово-показательных дев раньше поворачивались только с материнским вздохом: «Ох уж этот Андрей!» или: «Конечно, это Сашка, кто ж ещё!»

Можно было заняться вышиванием гладью или выпиливанием лобзиком. Но мы занялись каллиграфией. И Пашка (имя ученика изменено), привыкший учиться из-под палки, сам себе удивился: чего, дескать, это ему работать вдруг приспичило?! Засуетился, и вид у него сделался деловой.

А я уж было Пашку оплакала. Он пришёл к нам из класса «развивающего обучения». Всё боялся что-то не успеть записать, глаза пустые. «Да что ты там строчишь, Паша! Ты лучше понять попытайся!» Скажи ему, что дважды два будет пять, – с жаром согласится. На вопросы не отвечал по причине потения и трясения рук. Какой уж тут вкус к учёбе? Отсидеть бы 35 минут урока.

Реанимационный период затянулся на год. Я уже отчаялась: ничем не интересуется, книжки не читает, в малых группах не работает, не слышит, не видит, исподтишка поругивается, задирается. Ком непонимания по всем предметам растёт и усугубляет отчуждение от дела, от ребят, от всей нашей общей жизни...

Наконец лёд тронулся. И тут вдруг мама отправляет его в санаторий на всю четверть! Я совершаю ошибку, заявляя ей, что она губит собственного сына. Но Пашка при этом скорее не хочет ехать в санаторий, чем хочет. Ведь здесь «пахать» надо, а в санатории – «халява». Это была победа.

Его всё же отправили. Известия доходили такие: получает там какие-то «пятёрки», «пораньше» вернуться не хочет, ему там якобы хорошо. А я, к стыду своему, надеялась, что

ему там скучно будет... На новогодний спектакль к нам не пришёл. Ну, думаю, «позарастили стёжки-дорожки». Придётся всё начинать с нуля...

Но нет. Гляжу, оклемался недели через две. Появились глаза. Потом улыбка. Откуда? А попал с корабля на бал. Мы затеяли (с подачи Вячеслава Михайловича) каллиграфический журнал. Пишем Козьму Пруtkова. Вдруг Пашка:

– Дайте мне ещё одну афоризму написать!

– Ещё?!

Корифеи кинулись к Пашкиной парте – смотреть. Такие дела... А Санёк в «распоясанный» период своей жизни (скорбные взгляды дев) вызвал народное восхищение тем, что начал писать по-каллиграфически в тетради по русскому языку, да ещё фломастерами всех цветов. На этом он не остановился и постепенно охватил каллиграфией тетрадки по всем предметам, даже по математике!

Почти все так или иначе переболели этой заразой: кто диктанты писал с каллиграфическими наворотами, кто – письмо бабушке в Оренбург.

A photograph of a handwritten note in cursive script. The text is written in dark ink on a light background. It consists of two lines: 'Здравствуй, дорогая бабушка!' and 'Как ты там? Я хорошо, только тебя'. The handwriting is fluid and characteristic of a personal letter.

(Письмо Оли С. любезно предоставлено её ошарашенным папой, срочно отскерокопировано и только после этого благополучно отправлено бабушке. Кстати, Оля – новенькая, и вживалась в нашу каллиграфию долго и трудно).

Личная переписка велась таким же манером. Как-то раз с пола я подобрала пустой самодельный почтовый конверт с довольно изысканной надписью.

«Каллиграфия» стала узнаваться повсюду: на вывесках магазинов, на этикетках товаров, на обложках книг, на стендах Дома-музея Васнецова, на надгробных плитах в Донском монастыре, на иконах, в тетрадках по физике: «Ой, смотрите, каллиграфия!!!»

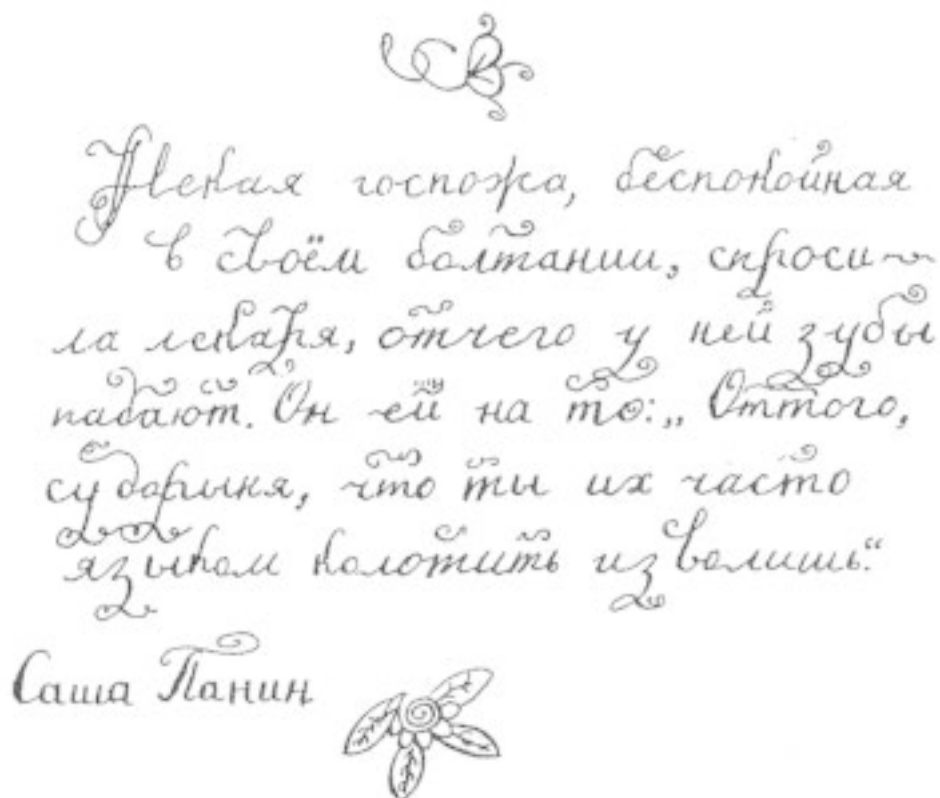
А тишайший Саша П., новенький, – его в первый раз заметили как раз на каллиграфии! Разбирали неподписанные работы: где чья.

– Это Сашки! Не видишь, как красиво?! (Это реплика Веры. А её мнение в этом деле что-нибудь да значит.)

Автор и переписчик

Книжку тут нам подкинули любопытную – «Письмовник» профессора и кавалера Николая Курганова. Сборник анекдотов XVIII века.

Уж как они старались, чтоб им было смешно! Увы. Зато после XVIII века Козьма Прутков пошёл на ура. Они смеялись даже на афоризм «Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння»!

Тексты из «Письмовника» и Козьмы Пруtkова писали для издания в классном журнале «Ижица» под диктовку разных «диктофонов». «Письмовник» транслировался на всех. А вот с Прутковым вышло иначе. Чтобы как можно больше «плодов раздумий» попало на страницы журнала, каждый получил свою «афоризму» и продиктовал её соседу.

Только в этой работе приоритеты были расставлены правильно: прежде всего – нажим и наклон (или отсутствие наклона – в кириллице). Многие понимали, что без нажима и наклона им в журнал не попасть, но ничего с собой поделывать так и не смогли: выдержать стиль до конца оказалось нелегко. Их бескорыстный труд (только красоты ради) побудил меня издать почти все написанные экземпляры одних и тех же текстов. Читатель, прочти их как разные!

В классном литературно-каллиграфическом журнале «Ижица» много разных историй, сочинявшихся в течение полугода и проживавшихся на уроках литературы, чтения, риторики и каллиграфии.

кусочек яблока. Воротился червяк
домой, а там: покрывало разо-
рвано, диванчик перевернут.
Впечатлился Червяк и умер
от отчаянья. *Конец*

Автор – Ксюша Лысенко (9 лет). Переписчик – Таня Романова (10 лет)

Автор у них – один, переписчик – другой. «Свяжитесь глазами с “разведчиком” (случайным партнёром) и обменяйтесь тетрадками (с сочинениями)», – так автор и переписчик нашли друг друга.

Десять человек из пятнадцати не сломались и довели дело до конца. Переписчику надо было из четырёх освоенных шрифтов выбрать один – подходящий к жанру сочинения. Ну, тут сыграли свою роль и личные пристрастия. Но глядите-ка, русские народные сказки оказались переписаны «кириллицей». Романтическая история про грустного принца Червяка и его царство Яблоко – готическим «маноло». А вот бытовая история про червяка, который отправился погостить к соседу в Листовку, вернулся в свою Грушовку – а дом разорён, и червяк умер от отчаянья, – оказалась переписана мужественным шрифтом по прозвищу «старичок».

Первым лениво встал со
своей мягко уложенной кро-
ватки самый старший вол-
чонок.

Автор – Вера Лысенко (8 лет). Переписчик – Ксюша Лысенко (9 лет)

Что под маской?

Именно за эти полгода мои ученики сделали большой скачок в грамотности. Им пришлось много переписывать. Но как это переписывание отличается от переписывания в тетрадь упражнений по русскому языку! Каждое слово было в маске, и потому так хотелось под неё заглянуть. Поменялся угол зрения. Самое обычное слово, тысячу раз **слышанное**, вдруг становилось ещё и **видимым**.

Именно в этот период на меня обрушилась лавина сладостных вопросов: «Мария Владимировна, а какой в этом слове корень? суффикс? а это что – приставка?» – и так далее. Вклю-

чился механизм «ночного видения», всматривания, задержки зрения, при посредстве которого накапливаются наблюдения над языком и который потом, в свою очередь, включает интуицию.

У человека с так называемой врождённой грамотностью этот механизм видения (оппозиция «слух – зрение») таинственным образом включается в раннем детстве, как только он выучивается читать. Чем больше он читает, тем менее одиноким становится для него слово. Оно больше не болтается щепкой в безбрежном океане речи, а постепенно обзаводится родственниками и приятелями, вкусами и привычками. В голове маленького человека подсознательно протекает сложнейшая классификационная работа. Слово (словосочетание, предложение), отнесясь к какому-либо классу явлений и подчиняясь его законам, обзаводится определённым образом жизни, манерой поведения. И становится уже невозможным написать его иначе, чем увидел в тексте... Наивно?

Но я верю, что кому-то этот механизм видения ещё не поздно включить.

На завалинке

Завалинка – это такое место, куда выходишь, чтобы прочесть своё сочинение. Попробу стул на сцене, то бишь у доски. Это место мне кажется замечательным. Все истории из наших классных литературно-каллиграфических журналов прочитывались на завалинке. Это были уроки чтения, русского языка, стилистики, литературного мастерства и чистописания одновременно. И тот самый механизм видения включался ещё как! А Андрей и Оля именно на завалинке и выучились по-хорошему читать.

Завалинка – потому что сказки (с них-то всё и началось) бабушки и дедушки рассказывают своим внукам (или студентам-фольклористам) непременно на завалинке. А ещё потому, что на завалинке можно «завалиться» – запутаться в собственном почерке или предложении.

Человек выходит читать свой черновик. Без домашней тренировки не выдержишь образ рассказчика, а то и вовсе завалишься, ведь текст-то письменный! Вот так пару раз оплошаешь: не разберёшь собственные каракули, не восстановишь ход собственной мысли – станет стыдно, и волей-неволей станешь и выстраивать предложения, и писать аккуратней.

Слушатели же всегда чем-то озадачены: или ищут законы сказки, которые сами же и вывели, или считают запятые (предложения, абзацы), или ищут, за что похвалить, но главное – думают, как сделать историю интересней. Поначалу речь шла, конечно, не о языковых средствах, а о каких-то сюжетных ходах. Ты мог оставить всё как есть или воспользоваться советом. Когда на завалинку приносили второй, доработанный, вариант (хотя, казалось бы, никто ж не заставляет и отметок нет!), я ловила свой педагогический кайф. Такой внимательной, настоящей – ни шебуршания! – тишины я ещё не слышала. А чтение иногда длилось часами: не хотели расходиться, пока все всё не прочтут.

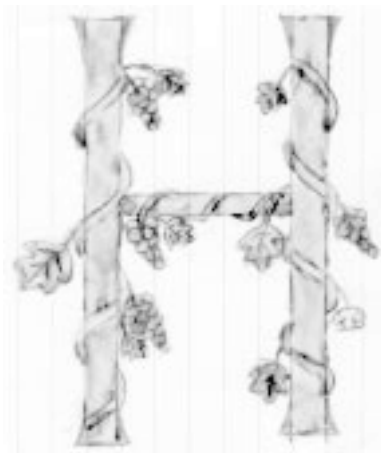
Наверняка вас что-то насторожило в моём рассказе про завалинку. Ведь лобное место всегда чревато. Но мы сделали мощный прорыв в чтение, язык, синтаксис. Вообще любопытные штуки случались с человеком на этой самой завалинке. Несколько человек она точно вывезла на себе.

Сейчас мои ребята жаждут её как никогда. Я не пускаю, всячески увиливаю. Боюсь. Заклюют друг дружку. Специфика возраста...

Древние рукописи

Дальше были летние каникулы. Я не знала, продолжать мне каллиграфию в пятом классе или нет, но по инерции продолжила. В сентябре тянула-тянула резину, ну, думаю, пора прикрывать лавочку – «белых пятен» больше нет. И тут на глаза сначала попался учебник по палео-

графии, потом книжица под названием «Древнерусское декоративно-прикладное оформительское искусство» – и я поняла: каллиграфия только начинается!

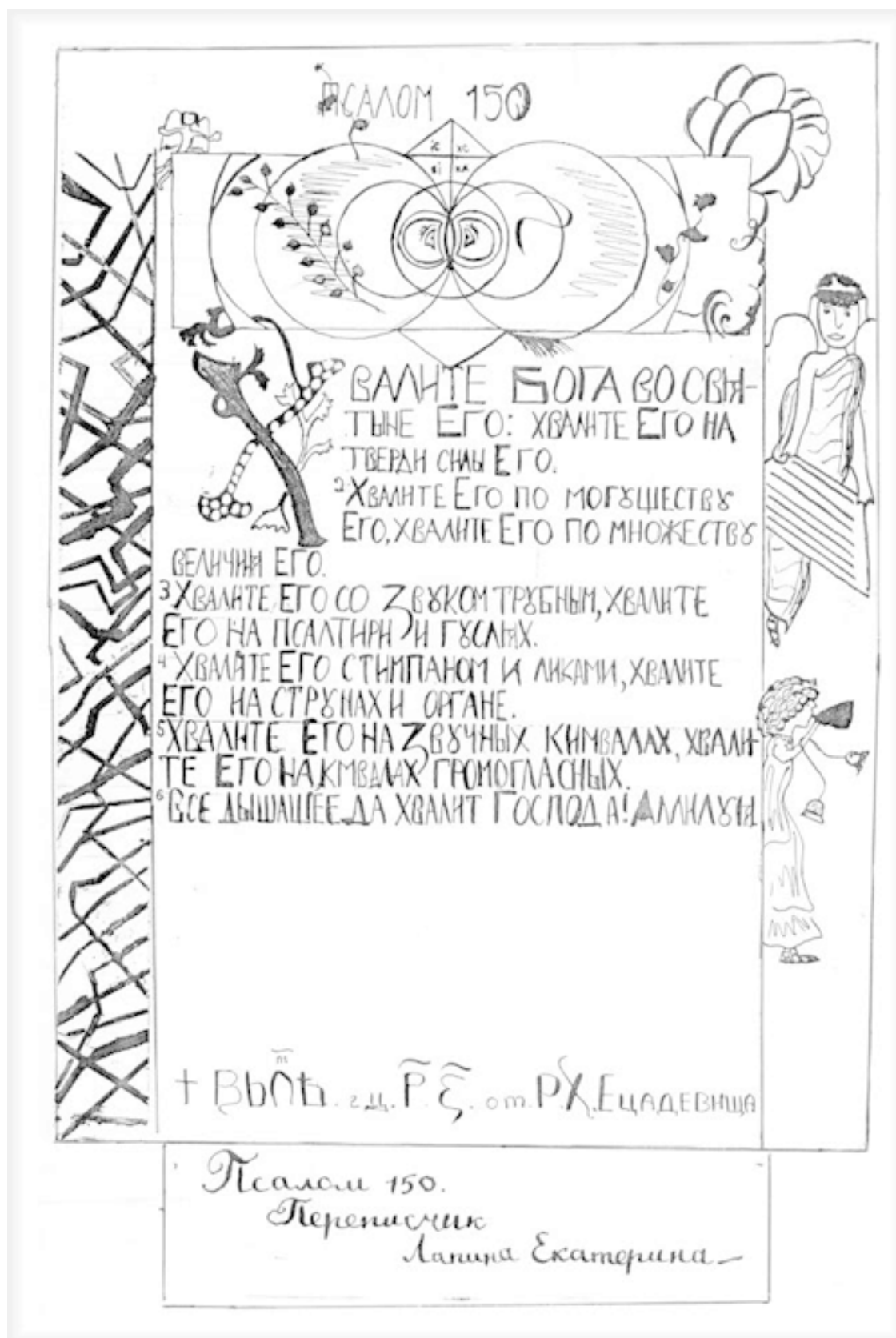
Буквица Вари Гоголя

Было отскерокопировано всё, что только можно: потрясающее юбилейное издание «Песни о вещем Олеге», странички древних рукописей с заставками, инициалами, орнаментами, миниатюрами, а главное – славянские шрифты на любой вкус. Было решено готовить выставку имитаций «чудом уцелевших» страниц древних рукописей. Тут уж было всё по науке. Каждый чувствовал себя зубром, когда имел дело с инициалом. Каждый выбрал себе работу по вкусу: текст по вкусу, шрифт по вкусу, заставку, орнамент. Инициалы сочинялись на ИЗО – и чудесные. Но на миниатюру решились немногие.

Вторая четверть – сплошной карантин по гриппу. Страницы оформлялись по большей части дома. Вести с фронтов: у кого-то сестрёнка пролила воду на почти готовую работу, у кого-то расплылись чернила...

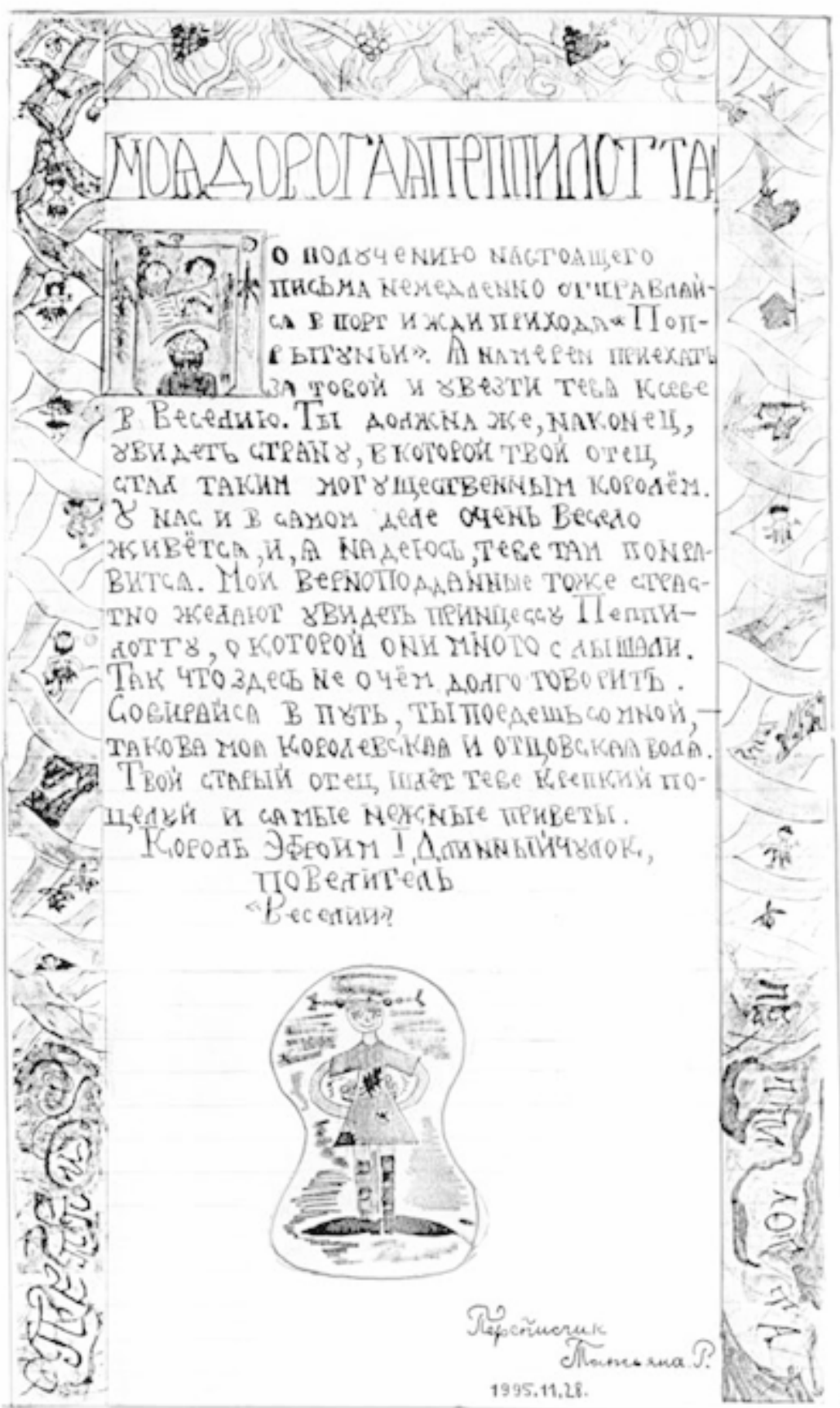
Выставка пришлась как раз на время новогодних праздников. В традиции нашей школы выносить на праздник итоги той или иной работы в предмете – в чтении, риторике, литературе, музыке, рисовании, рукоделии, в занятиях театром.

Экскурсоводами работали, разумеется, сами юные «несторы». Текст экскурсии они сочиняли на уроках русского языка. Сочиняли, редактировали, уточняли, выверяли, по десять раз переписывали – чтоб было грамотно во всех отношениях...

Русские пословицы
 Перепишет
 Анна Сергеевна

Письмо к Ренни от её отца.
Персейчик
Курикова Мана.

От лица Буратино. Перелистывая каллиграфический журнал пятиклассников

Через десять лет, перелистывая последний выпуск нашего самиздатовского литературно-каллиграфического журнала «Ижица», я ещё и ещё раз вспоминаю какие-то эпизоды, живые детские рожицы, словечки, сопли и слёзы, и происходившее тогда представляется мне сейчас очень важным в становлении моих учеников как людей грамотных.

Тетрадки из закров

Помню самый первый заход после зимних каникул – урок, на который я принесла своим пятиклассникам тетрадки других учеников из разных классов, в основном тетрадки прошлого выпуска (он был первый, и я хранила дома на балконе все их тетрадки за все три класса начальной школы). Помню, были ещё какие-то тетрадки детей моих друзей, старших братьев и сестёр нынешних учеников (их по моей просьбе принесли родители) и даже тетрадки моих собственных сыновей.

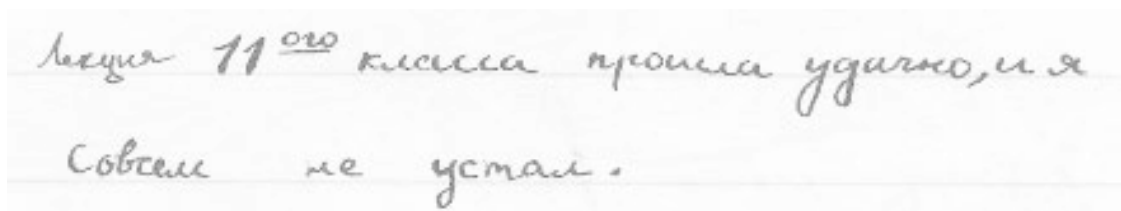
Когда я предложила примерно определить возраст владельцев тетрадей (где какой класс), то первоклашки были, конечно, вычислены в первую очередь.

Потом было задание что-то такое написать почерком, какой вроде бы у них у самих был в первом классе (то бишь как они его себе представляют).

Почерком первоклассника

А потом я разложила на полу принесённые из дома листочки из их собственных первоклашских тетрадок – настоящих. Я хранила их, с тем чтобы потом вручить в день окончания школы (была такая идея).

Почерком одиннадцатиклассника

Так вот, когда каждый отыскал (не без труда, разумеется) свою работу, то был очень удивлён, сравнив свой всамделишный почерк с предполагаемым. Точно не помню, но кажется, они себя как первоклассников сильно недооценили.

Загадывание персонажа

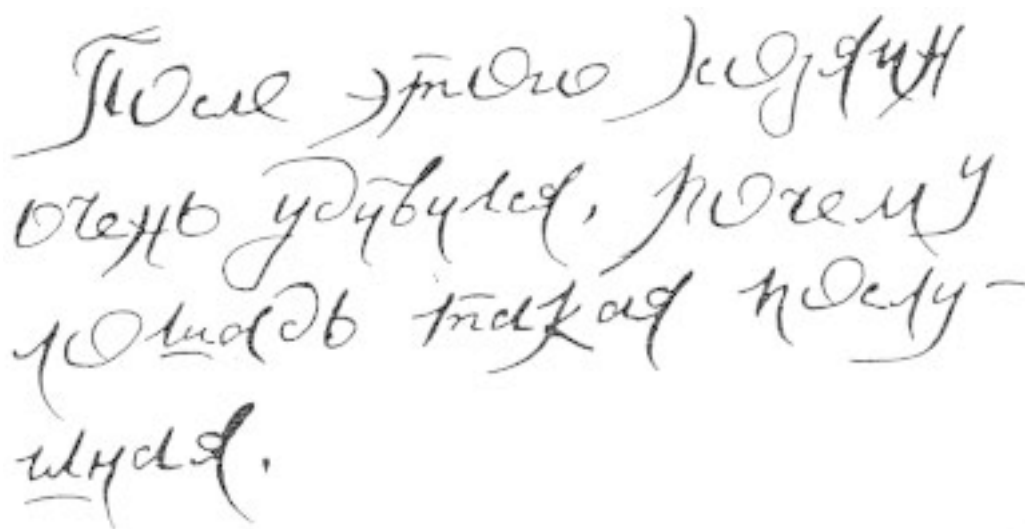
Запомнился урок по открыткам. Я подобрала несколько репродукций, где были изображены люди разных эпох и социальных слоёв: дамы и кавалеры галантного века с картин Брюллова, Кипренского и Боровиковского, купечество Кустодиева и Федотова, ремесленники Шагала, крестьяне Тропинина, Венецианова и Перова, рабочие и разночинцы Ярошенко. Идея была такая: «попримерять» на себя образы всяких-разных людей с этих открыток, с тем чтобы потом «поискать» их почерк.

Работали по группам. Каждая группа «загадывала» того или иного героя с картинки, остальные должны были отгадать. Первое «загадывание» было такое: представить, как мог бы двигаться (входить в дверь, садиться, танцевать и так далее) тот или иной персонаж.

Второе задание-загадывание: произнести от имени персонажа какую-то реплику, допустим «Здравствуйте» или «Который час?». Для всех групп реплика была одна и та же. Это чтобы вышла на первый план разница в стиле, манерах, чтобы она не перебивалась разницей словесной.

И только потом было предложено написать фразу (опять же одну на всех, например «Приятного аппетита!») от лица того или иного «загаданного» героя. Остальные группы, соответственно, должны отгадать, с какой он открытки.

Жаль, не помню деталей: кто что загадал-отгадал, какие были версии, хохмы, недоразумения...

Сочинение Ани Охрименко и Кати Лапиной. Переписчик – Маленький Принц. Автор каллиграфического ряда – Таня Романова

А потом в классе появилась (коллега одолжил) роскошная книга по графологии с автографами разных выдающихся личностей. Книга сразу же стала невероятно популярна у пятиклассников. Записывались в очередь взять на один день домой. Образцы почерков ксерокопировались. Делались попытки воспроизвести тот или иной автограф. И даже в тетрадках по разным предметам писать «точно так же».

Классный самиздат

Потом мы стали собирать очередной выпуск детского литературно-каллиграфического журнала «Ижица». В ходе уроков словесности насочиняли мои ребята к концу года уже кучу всяких текстов. Были тексты «экскурсий по дому Толстого в Хамовниках» (с разными интересными деталями), рассказы по карикатурам Бидструпа (сочиняли в группах по четыре человека; задание – употребить как можно больше определений, а вот однородные они или нет – в том-то и завыка), истории, построенные на антитезе (для затравки я принесла в класс два яблока, румяное и засохшее), былины «про наш класс», «рождественские истории» (ну очень «жалистные»!) и так далее.

Кстати, для нашего самиздата тексты набирали на компьютере специальные наборщики – вовсе не грамотеи, а просто-напросто те, у кого дома компьютер имелся в наличии. Таковых было немного – пять человек, и им, беднягам, пришлось нелегко: одним пальцем набирать тексты аж в восемь (разножанровых) отделов журнала! А в каждом отделе, между прочим, сочинений было – по числу учеников в классе. Да ещё потом корректорскую правку вносить. И не один раз.

Набирали с рукописных источников – «чистеньких», поскольку в своё время они мной проверялись, а учениками неоднократно прорабатывались и переписывались. Однако при компьютерном наборе выскакивало множество «опечаток» (назовём их так). Потребовалась корректура. Корректорами работали сами авторы историй – сверяли очередной набор с исходником.

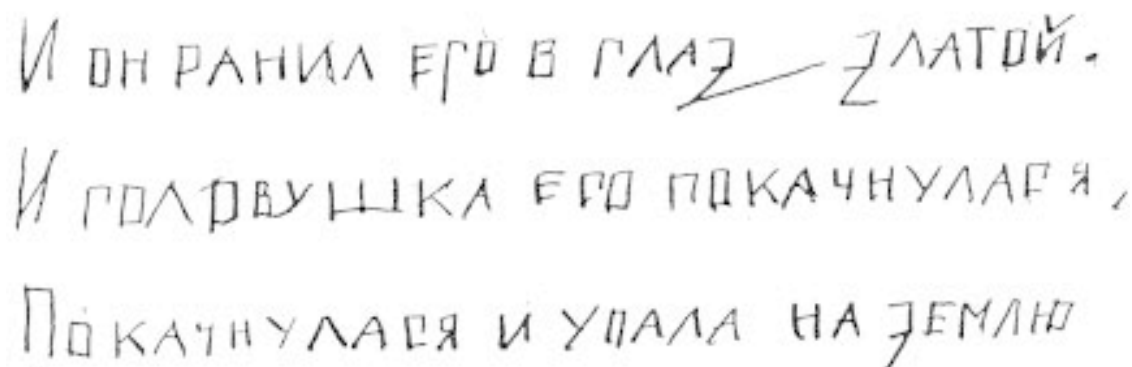
На этом этапе ещё и ещё раз грамматическая зоркость оттачивалась – и у наборщиков, и у корректоров...

И только потом, когда ни единой ошибочки нигде не осталось, один из наших классных пап взял дискету с текстами на работу и распечатал все литературные опусы пятиклассников на принтере.

Отрывок из истории, сочинённой Олей Савельевой. Переписчик – Гаргантюа. Автор каллиграфического ряда – Саша Панин

Как выбирали почерк

Литература литературой, однако журнал у нас был концептуально каллиграфический. И тут я набралась наглости и озвучила давнюю идею Вячеслава Букатова, которая в начале наших занятий каллиграфией казалась мне уж слишком фантастичной. А давайте, говорю, каждый выберет себе переписчика – кому бы он мог доверить такое ответственное дело, как переписывание одного из своих сочинений (правда, не своим почерком, но об этом дальше). Некоторые просто-напросто обменялись сочинениями – по дружбе. Но были и такие, кто долго и тщательно выбирал себе переписчика. А кому-то даже пришлось согласиться переписывать сочинения сразу у двоих.

И ОН РАНИЛ ЕГО В ГЛАЗ ЗЛАТОЙ.
И ПОЛДВУШКА ЕГО ПОКАЧНУЛАЯ,
ПОКАЧНУЛАЯ И УПАЛА НА ЗЕМЛЮ

Автор былины – Иван Смирнов. Переписчик – Буратино. Автор каллиграфического ряда – Лёша Плахотников

Как выбирался почерк? По совету Вячеслава Михайловича, устроили жеребьёвку. Каждый должен был написать на трёх бумажках три имени: одно – литературного героя, почерк которого «могу себе представить», второе – героя, почерк которого «не представляю», и третье – реального исторического лица. Бумажки клались в чью-нибудь шапку и перемешивались. А потом каждый вытягивал имя персонажа, чьим почерком ему предстояло работать.

Так появился «переписчик Буратино», «переписчик Гаргантюа», Маленький принц, Левша, Карлсон, Наполеон, Наталья Гончарова, Мальвина, Берендя и так далее – большей частью из любимых книжек, или из тех, что мы на уроках чтения в этом году читали, или из книги по графологии.

Сочинение Вари Гоголя. Переписчик – мальчик из рассказа Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке». Автор каллиграфического ряда – Вера Лысенко

Таким образом, у каждой работы должно было быть аж по три автора. Точнее, подписи под работами должны быть оформлены в три строки. В первой строке – имя **сочинителя** истории. Во второй строке – имя **переписчика** (того или иного персонажа, чьей рукой осуществлялся труд переписчика). И в третьей строке – **автор каллиграфического ряда** (ученик, «придумавший» своему переписчику почерк). Такая вот заморочка.

В отсутствие сканера

Помню, что мы довольно долго – несколько уроков – занимались этой самой перепиской. А долго потому, что ежели обнаруживалась грамматическая ошибка, то всю работу приходилось делать заново. Переписчики стонали, однако куда ж деваться: профессия обязывает, чтоб было без сучка без задоринки.

По самому удачному отрывку из каждой работы предполагалось разместить на страницах «Ижицы». Выбирались эти отрывки автором сочинения, принимавшим работу у переписчика. Время поджимало (конец учебного года), и даже отскерокопировать работы (о сканере тогда и речи не шло) не было возможности, потому что единственный на всю школу дохленький ксерокс окончательно сдох. Так что выбранные отрезки вырезали ножницами прямо из подлинников (сейчас ужас берёт!) и клеивали в исходный экземпляр журнала, который всё больше начинал походить на чудовище Франкенштейна. Потом, правда, уже перед самым праздником, со стороны родителей нарисовалась возможность с исходного экземпляра отскерокопировать журнал на всех...

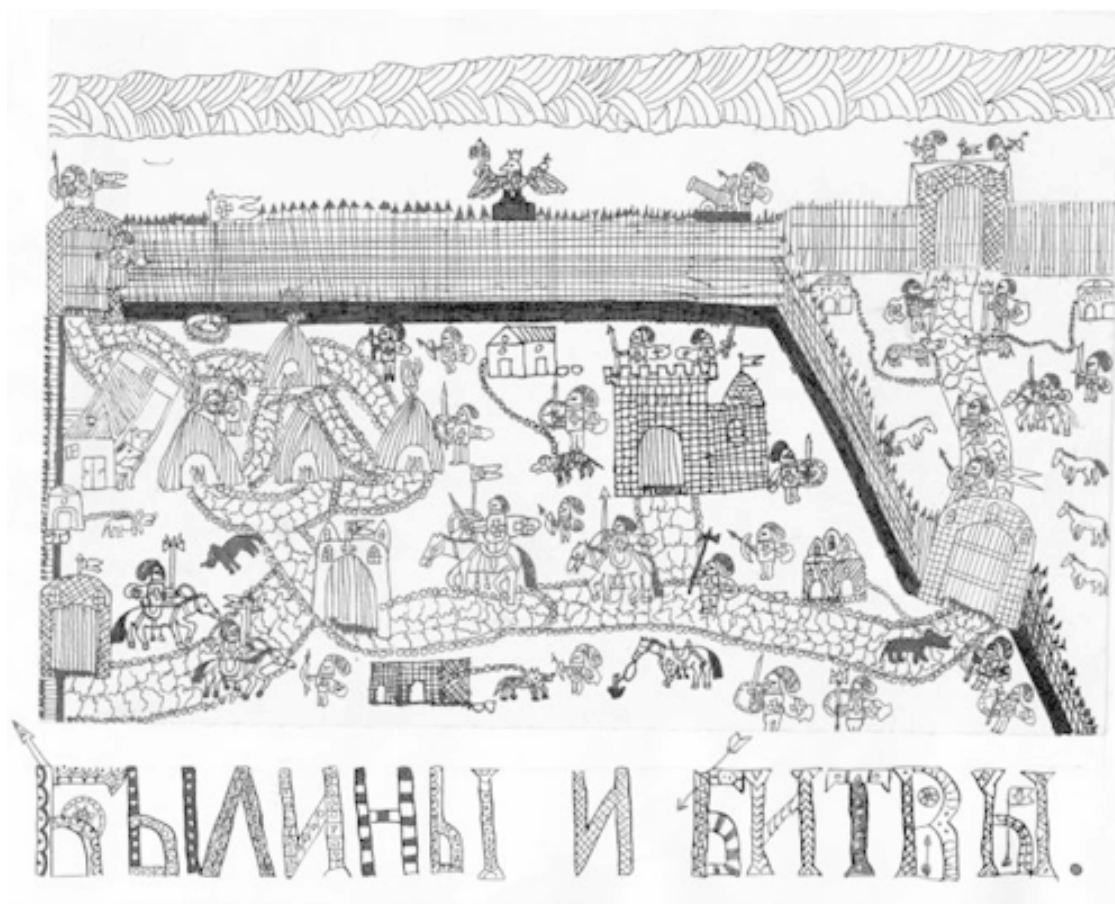
А вообще-то это целая история – как буквально по клочочкам, с заплатками, следами канцелярского клея и слёз, мы (спасибо, Катя, Варя, Ксюша, Вера и Настя!) сшивали наш каллиграфический журнал. Класс стал похож на кружок кройки и шитья. Не только столы, но и пол был выложен множеством разнокалиберных лоскутков. Тут и компьютерный набор, и каллиграфические вставки, и бумажки с названиями разделов (каждый из учеников сочинял их мало того что покаллиграфически, да ещё и «в стиле»), и полосочки с автографами – тоже «в стиле» литературного жанра того или иного сочинения...

Книжное дело

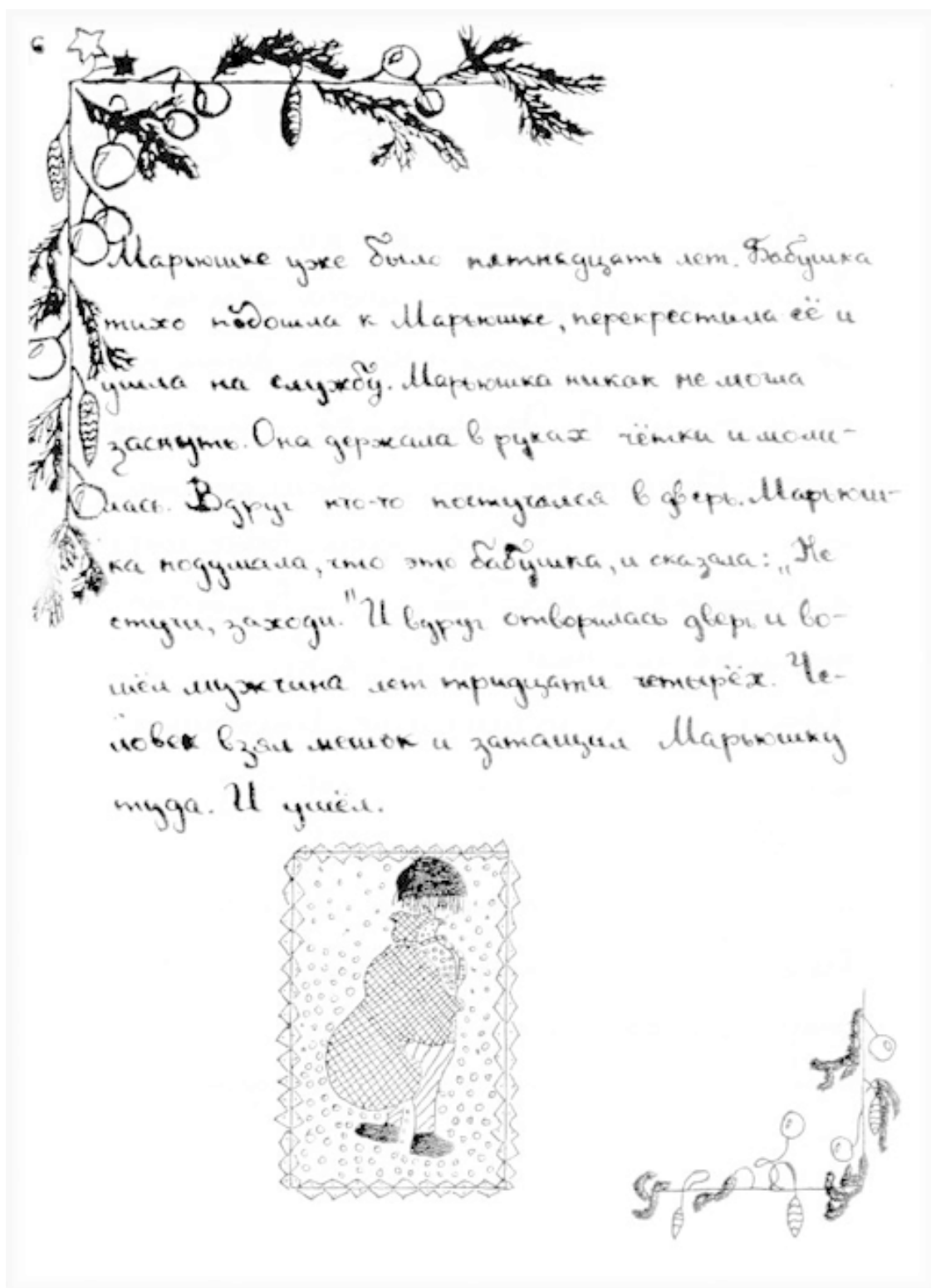
История с каллиграфией на этом не кончилась. Учительница по ИЗО, вдохновившись «Ижицей», затеяла на своих уроках... книгоиздание. Целый месяц пятиклассники, организовавшись в команды по три человека, трудились над изданием книжечек. Одна тройка взялась выпустить в свет сборник былин, другая – рецептов, третья – рождественских историй, четвёртая – первую главу Евангелия от Иоанна, пятая – избранное из произведений Ксюши и Веры, шестая – краткий молитвослов.

Работали профессионально. Кто-то служил переписчиком, кто-то – иллюстратором, кто-то – корректором. Кто-то взял на себя функции выпускающего редактора, кто-то – переплётчика...

Именно в это время мы целый день провели в Музее книги (что при библиотеке имени Ленина), изучая титульные листы, форзацы и прочие премудрости.

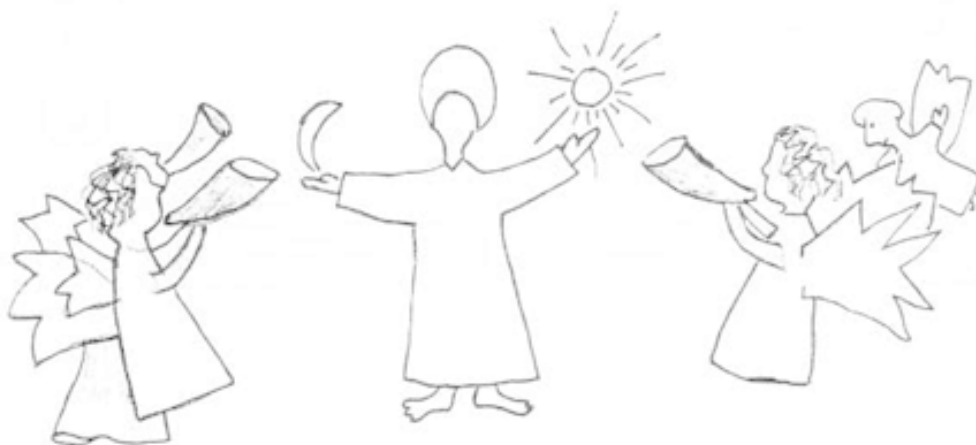
Авторы каллиграфического ряда: Андрей Ионин, Саша Панин. Художники: А. Ионин, А. Давыдов, А. Панин. Издательство «Три рыцаря», Москва, 1996

Переписчик и автор каллиграфического ряда – Варя Гоголя. Художественный редактор – Таня Романова. Корректор – Ксюша Лысенко. Издательство «Вартьяна Роголя», Москва, 1996

МѢТВА ГДНА.

О́че на́шъ, ѿже е́си на нѣбѣхъ!
Да свѣтитѣ ѿмѣнѣ Твоеѣ: да прій-
детъ црѣвїе Твоеѣ: да вѣдетъ во́ля
Твоя, ꙗко на нѣбѣхъ, и на землѣхъ.
Хлѣбъ на́шъ насущный да́ждь
на́мъ днесь: и о́стави на́мъ до́лги
на́ша, ꙗкоже и мы о́ставимъ
должникѣмъ на́шимъ: и не ве-
ди на́съ во иску́шенїе, но изба́ви
на́съ ѿ лѣкаваго. ꙗко Твоеѣ е́сть
црѣвїе и́ сила и сла́ва во вѣки,
А́минь.

А это Ксюша в каллиграфическом экстазе издала ещё одну книжку

Читатель, оцени культуру оформления самиздата: макет странички, выходные данные – всё довольно грамотно

Глава III. Чтение. Мизансцены успеха

Похвала черепашьему бегу. Как учить всех, не форсируя индивидуальный темп каждого

У ваших детей недостаточная скорость чтения? Это не беда! Ведь скорость всего лишь сигналит нам о том, что у ребёнка свой, сугубо индивидуальный механизм этого сложнейшего дела. Так зачем же преждевременно тянуть морковку за зелёный хвостик: мол, быстрее, быстрее расти?! Давайте лучше подождём: взрыхлим землю, польём... А там, глядишь, и будем радоваться урожаю.

Но вот как грамотно рыхлить и поливать? Давным-давно сложившаяся традиция урочного чтения, увы, до сих пор такова: один ученик читает, остальные «следят». Как можно построить занятие чтением иначе – так, чтобы ни детям, ни взрослым скучно не было?

Не урок, а кошмар

В самом начале моего учительства я, помню, долго мучилась с уроком чтения. Ну не складывался он никак!

Вот русский и математика не сразу, конечно, но всё же как-то потихоньку утряслись: стали обрастать делами, традиционными заданиями, возник темпоритм. В общем, у урока появилась некая структура, форма, которая не давала моим шустрым детям возможности расползаться в разные стороны. Может быть, это было связано с тем, что русский и математика – письменные предметы и здесь есть привязка к тетрадкам? А к ним первоклашки, сами знаете, испытывают почтение (по крайней мере, до поры до времени). Чуть ситуация урока начинала, как тесто из-под крышки, выползать из-под моего бдительного контроля – я втыкала их в эти тетрадки, а там, глядишь, урок и вливался в какое-то разумное (как мне тогда казалось) русло. Ну, по крайней мере, не рассыпался на глазах, чего я тогда пуще всего боялась.

А вот чтение – сплошной кошмар и ужас, потому что не пойми что. Каждый раз, стиснув зубы, я ждала этого урока, и когда он заканчивался, облегчённо вздыхала: ну наконец-то! – и, довольная, переходила к математике.

Дело вот в чём. Чтение – значит, надо читать. Но как читать всем классом? По цепочке, как это в большинстве случаев принято? Но один читает чётко, громко, понятно – его ещё слушают, да и то кое-как. А другой (новеньких в классе всегда хватает) – тихо, невнятно, по складам, бывает, чуть не плача. У меня не хватало духу ни его заставлять читать, ни остальных – слушать. Через пару минут уже никто не слушает читающего. Это и понятно: мне самой скучно. Силой и устрашением сохранять внимание учеников не хочу. А как построить работу? Читать самой? Так они никогда не научатся!

И что вообще делать, если в одном классе – и те, кто читает бойко, и кто по складам, и кто уже успел шишки набить на чтении (может, родители или прежние учителя постарались) и теперь пуще смерти читать бояться? Особенно при всём честном народе.

Снежный ком неудач

Не секрет, что умение быстро и толково читать – залог успешности ребёнка в любом школьном предмете. Но, увы, читают плохо и иные старшеклассники. То, что естественным образом должно было произойти в их жизни от трёх до семи лет, не произошло. Болезни,

семейные неурядицы, недалёковидность взрослых, косой взгляд приятеля – всё могло послужить причиной того, что в определённый момент процесс углубления в чтение застопорился.

«Не смог» прочитать, прочитал «неправильно»... А ведь так хочется угодить учительнице или маме. И в глазах ребёнка – слёзы. Оттого что «не оправдал ожиданий взрослых».

Один раз неуспех, второй – и в ребёнке угнезвился страх. А страх – плохой помощник в таком тонком деле, как чтение. Боязнь рождает напряжённость, которая сразу опознаётся по бесцветному, деревянному голосу и приклеенному к строке пальчику. Или, наоборот, по излишней суетливости и в голосе, и в теле. В результате к чтению вырабатывается устойчивое неприятие (не самозащита ли это, преодолеть которую трудно даже иным семиклассникам?). На какой-то стадии обучения снежный ком неудач может вырасти до размеров отвращения. Чтобы этого не произошло, не форсируйте индивидуальный темп ребёнка в обучении чтению.

Выучиться писанию (точнее, списыванию) гораздо легче. Этому, наверное, можно научить и обезьяну – копируй себе знаки-загогулины. А вот момент, когда ребёнок состоялся в таком невероятно сложном деле, как чтение, кажется почти мистическим. Во всяком случае, каждый ребёнок идёт к этому моменту своим, непостижимым для нас, взрослых, путём.

Лидия Филякина рассказывает много удивительных историй, когда «официально не читающие» дети вдруг начинали читать... свою роль в спектакле. Лидия Константиновна говорит: «Не хотели читать – вот и не читали. Это, между прочим, процесс интимный. А теперь – захотели! Каждый цыплёнок вылупляется в свой срок, и это всякий раз чудо».

От лица корабельного попугая

Мы готовим «радиоспектакль “Шторм”». А попросту записываем книжку на магнитофонную ленту в голосах. Там много героев и разных звуков, так что всем нашлась работа – и читающим, и нечитающим. Но вот беда – не хватило мальчиков, чтобы озвучить корабельного попугая.

«Нет, – говорю, – девочке не справиться с этой ролью, нужен мальчик». И прошу (почти без всякой надежды на согласие) Женьку, который озвучивает скрип мачты, взять роль со словами. (А все знают, что Женька не читает. И он сам так думает.) Женька вытаращивает на меня глаза и... соглашается!

Так вот: на первой же репетиции он так лихо выкрикнул «Кар-р-раул!» в нужном месте, что потом уже всё пошло как по маслу. Это же не Женька произносит слова, а попугай! На репетициях он ещё сбивался, но не во время записи.

А шестиклассница Даша стала по-настоящему хорошо и с охотой читать совсем недавно – после того, как ей пришлось почитать вслух по-старославянски библейские тексты. Вот так. Скорость чтения у одного и того же ребёнка может быть в два раза больше или меньше – в зависимости от того, **где, кому и зачем** он читает.

Как ребёнок непостижимым образом осваивает самый сложный механизм устной речи – так же, во многом интуитивно, ему предстоит освоить механизм чтения. Не думайте, что можно вот так просто взять – и словами объяснить первокласснику, что нужно делать, чтобы прочитать слово.

Все ваши задания по прочтыванию ребёнком слога, слова или коротенького предложения должны быть рассчитаны прежде всего на детскую интуицию. Для этого больше подходят слова **угадай, узнай, найди, вспомни, подчеркни, сравни** и тому подобные. Не угадал? Ничего страшного! Не узнал, не вспомнил, не подчеркнул? Не беда, в следующий раз и узнает, и вспомнит, и подчеркнёт. Главное – чтобы не боялся ошибиться.

След в след

Вы читаете текст вслух, а дети пальчиком ведут по тексту след в след за вашим голосом. Начните с небольшой скорости чтения, чтобы вначале каждый из детей наверняка был успешен в том, что вы ему сейчас предложите.

Вы говорите: «Стоп!» – и, пробегая между партами, предлагаете некоторым из учеников пальцем показать в тексте слово, которое прозвучало последним перед «стоп», а затем просите это слово прочесть ещё раз. Ребёнку легко узнать слово, даже если оно трудное, – он же только что его слышал. Но он делает вид, что читает его. Вы принимаете правила игры и радостно удивляетесь. Счёт открыт: один – ноль в пользу «следопытов».

Если вы видите, что детям чересчур легко следить за вами, ускоряйте темп чтения, старайтесь «замести следы» периодической сменой голоса, интонации или темпа. Угадал ребёнок – очередное очко «следопытам» (классу), не угадал – вам. Игра идёт, например, до пяти (или как вы договоритесь) победных очков. Но постарайтесь всё же не так часто выигрывать.

Такое совместное чтение снимает страх перед быстрым чтением – пусть пока вашим. Вам тоже будет чему удивиться: как это тот или иной «плохо читающий» ребёнок умудряется не отставать от вашего голоса своими глазёнками и пальчиком! Пожалуйста, не забудьте поделиться с ним этим вашим открытием.

Эхо в горах

Читаете текст опять вы. Дети храбро читают вместе с вами, только чуть (на полшага) поотстав от вас, – эхом. И детям уже не так страшно пробираться в дебрях текста – потому что они не одни, а с вами вместе.

Ребёнок, конечно, слышит текст и наполовину его повторяет. Но и видит тоже! Узнаёт слова! Учится реагировать на знаки препинания!

Глаз ребёнка привыкает не бояться длинных слов и предложений, а голос – их преодолевать.

Медленное чтение

Его эффект обнаружил Вячеслав Букатов (см.: Чтение: кто медленнее? // Классное руководство и воспитание школьников – Первое сентября. – 2007. – № 4).

В школе от детей требуют: «Быстрее!» А вы, наоборот, попросите их прочитать всего-навсего одно предложение, да ещё как можно медленней. Ерундовое дело? Да, но читать надо так, чтобы предложение «не рвалось на кусочки», то есть смысл его не ускользал.

Предложение хорошо бы выбрать подлиннее и посложнее – чтоб было в чём поковыряться и запутаться. Или пусть дети сами ткнут пальцем в какое хотят предложение. Ну что ж, берём секундомер и засекаем время: **кто медленнее?**

Быстрее всех прочтёте, конечно, вы. А вот медленнее – это ещё вопрос. Так что соревнование, согласитесь, «на равных».

По ходу занятия, я надеюсь, у всех участников возникнет вопрос: как улучшить результат? Может быть, «усугубляя» логическое ударение? Или увеличивая, в пределах возможного, паузы? А может, растягивая гласные?

Правда же, есть что обсудить? И, может быть, именно в этих поисках дети вдруг увидят «за спиной» очередной паузы те или иные знаки препинания. Или им откроются безударные гласные, которые почему-то не удаётся тянуть так же долго, как ударные.

Не своим голосом

Прочтите какой-нибудь совсем маленький рассказик, эпизод или вовсе абзац. И предложите подумать: кто и кому мог бы эту историю рассказывать? Дети наверняка порадуют вас множеством версий.

Теперь предложите «рассказать» эту историю от имени предположительного героя-рассказчика, то есть прочитать текст не своим голосом. Голосом старика или годовалого ребёнка, карлика или великана, разбойника или ветра – в зависимости от выбранных версий.

Обычно читать в образе ребёнку легче: вроде бы и не он читает, а тот, другой. А спотыкается и пыхтит, потому что так нужно по роли. Оправдано и легализовано, поэтому не страшно. И слушатели не скушают: им предстоит оценить работу – похоже или нет?

Светофор

Вооружившись цветными карандашами, дети с удовольствием размечают небольшой абзац в книге, которую выбрали для работы. Разметка идёт следующим образом.

Красным карандашом закрашиваются **первые слоги** (если первый слог состоит из одной гласной – то два первых слога) всех слов абзаца плюс предлоги и союзы. (Хорошо, если бы в этом месте случились разговоры о том, что же такое слог. Или чем предлог отличается от союза.)

В зелёный цвет красятся **концы** всех слов по тому же принципу, что и начало.

Оставшуюся **серединку** слов надо покрасить в жёлтый цвет.

Готово. Пока ребёнок красит слова, он невольно вглядывается в текст. Для первого знакомства достаточно.

Длинные слова, в которых не меньше трёх слогов, получились похожими на светофоры: красный, жёлтый, зелёный. Светофоры на дороге есть – можно ехать. Допустим, вы штурман, а дети – водители. Поехали?

Вы, как штурман, указываете первый маршрут – по Красному кирпичному шоссе. Надо громко вслух прочитать подряд то, что красное. Чем быстрее, тем лучше. Но особенно подгонять ребят не стоит. Безопасность на дороге прежде всего!

Второй маршрут проходит по Зелёной дороге – по концам слов. Дети читают то, что окрашено в зелёный цвет.

А жёлтую середину не надо читать вовсе. На Жёлтой дороге – зыбучие пески. Можно застрять надолго.

Эта работа запускает некие механизмы, присущие нормальному взрослому чтению: механизм «проглатывания» глазами середины слова, узнавания слова по началу и его формы в данном контексте – по концу.

Простите за доморощенную версию – я мало что смыслю в психологии. Одно я знаю точно: если вы теперь попросите ребят прочитать эти абзацы целиком, то удивитесь, насколько бодро они это сделают.

Американские горки

Эта работа похожа на предыдущую эффектом запуска очередного механизма чтения в пределах одного абзаца.

Итак, американские горки. Вниз – ух! Вверх – ах! И снова вниз – ух! На этот раз абзац хорошо бы выбрать побольше. У-ух! – и ребёнок взглядом скользит вниз по столбику, состоящему из слов и обрывков слов каждой строчки.

Вначале ребёнок скользит по правой границе абзаца, считывая только «пограничную» колонку слов и обрывков слов, последних в каждой строке. Абзац кончился. Ах! – и взгляд снова переносится наверх, но теперь это уже первое слово левой границы абзаца. У-ух! – и ребёнок вновь скользит вниз, считывая уже не последние, а первые слова и слоги каждой строчки абзаца.

При переходе со строки на строку маленькие читатели традиционно стопорятся. «Американские горки» способствуют запуску скоростного механизма этого перехода. Головокружительные спуски по правому и левому краям текста облегчают потом при чтении переход со строки на строку и тем самым опять-таки увеличивают скорость чтения.

Книжка-малютка

Первоклассникам необходимо тренироваться в чтении каждый день. И даже не столько на уроках, сколько дома. А как это устроить, чтобы чтение не превратилось для малышей в ежедневную мучительную процедуру?

А пусть каждый принесёт из дома свою любимую книжку (наверняка ж такая есть, хоть бы он в ней только картинки пока разглядывает). Лучше, если вначале это будет маленькая книжица, например книжка-малютка (или купите всем одинаковые, тоже вариант). С ней вашим ученикам предстоит крутиться целый месяц. Однако в таком случае вам придётся поумекать, выдумывая разные задания.

Например, такие. Подчеркнуть четырёхбуквенные (трёх-, пяти- и так далее) слова. Найти предложение, которое подходило бы для слов песенки, и спеть его голосом карлика или великана. Нарисовать иллюстрацию к какой-то странице или предложению (допустим, шестому от начала истории или страницы). Посчитать, сколько на странице такой-то одинаковых слов. Найти самое короткое предложение... Подчеркнуть, посчитать, найти, угадать – такие задания и плохо читающим детям под силу, и бегло читающим не скучны.

Или такое задание: подчеркнуть все слова с большой буквы. Потом выяснится, что перед одними такими словами есть точка, а перед другими – нет. Эти – имена собственные, а эти – начинают предложение. Уже есть, что потом обсудить.

В общем, затереть книжицу до дыр. А потом, в следующем месяце, сменить её на другую, потолще и потруднее. Так, обживая книжицу за книжицей, ребята привыкают к тексту, даже заковыристому, и перестают его бояться.

Ансамбль виртуозов

Поройтесь в музыкальных отделах книжных магазинов и раздобудьте песенники. Такие, в которых есть ноты, а под каждой нотой подписаны слоги, по крайней мере первого куплета.

Теперь настал черёд вашим детям выяснить музыкальные пристрастия друг друга. Придя к какому-то соглашению, каждая группа подберёт своему ансамблю симпатичное название (например, «Кукарямба»). Теперь можно начинать репетицию.

Изюминка такого пения по складам в том, что детям приходится тянуть гласные, таким образом связывая слоги друг с другом и тем самым преодолевая барьер послогового чтения.

Начинать лучше с популярных песен, которые каждый ребёнок знает чуть ли не наизусть. Это обеспечит успешность первых опытов. А следить по тексту (по нотам) они всё равно будут: ведь надо блюсти образ. Вон и пианисты, и хористы – все в ноты смотрят.

По мере роста профессионального мастерства ваших учеников им стоит переходить к новым песням, текст которых им совсем незнаком. Потихоньку у вас составителся приличная

программа, и можно будет выступить с концертом. В узком кругу (позвать в гости соседний класс) или перед всей школой – решайте.

«В связке одной с тобой»

Чтение по абзацам. Традиционная цепочка. Но дети читают текст вдвоём – вместе с соседом по парте. Один карабкается по крутому склону на вершину горы. Другой – с ним в одной связке, подстраховывает. Если кто из них сорвётся в пропасть, второй удержит его на своём крюке, вбитом в щель каменного монолита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.